

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1831.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1831.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Санктпетербургъ, 1 Февраля 1831 года.

Ценсоръ, О. Сенковский.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1815 году я имѣлъ счастіе находись въ свитѣ Императора Александра Павловича на Вѣнскомъ Конгресѣ, въ походѣ во Францію и въ обратномъ путешествіи Его Величества чрезъ Брюссель, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію. Опрывки изъ журнала, веденнаго мною въ то время, были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нынѣ, издавая ихъ въ совокупности, счишаю нужнымъ предварить, что читатель не найдетъ въ нихъ никакой полноты разказа о происшествіяхъ, какъ въ историческихъ Запискахъ, которыя во множествѣ печатаются въ чужихъ краяхъ. Я только предлагаю здѣсь нѣкоторыя мысли, возбужденныя во мнѣ предметами,

меня окружавшими, и начинаю со дня опъзда моего изъ Вѣны въ Главную кварширу арміи, копорая шогда назначена была дѣйствовать прошивъ Франціи.

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Минхенъ. — Баварскій Дворъ. — Приездъ въ Стутгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Приездъ въ Гейдельбергъ.

14го *Мая*. Вчѣра, въ прекраснѣйшій вечеръ, я отправился изъ Вѣны въ Минхенъ и Стутгардъ, а оппуда въ главную нашу квартиру, въ Гейльбронъ. Всю ночь я думалъ о помѣ множествѣ разныхъ лицъ, копорья находилися на Конгресѣ, о добродѣтеляхъ и слабостяхъ, копорыхъ я былъ свидѣтелемъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и о силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны, словомъ сказашь, воображенію моему представлялись всѣ сусы шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгресѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали

меня мечпы о предспольвшемъ нупешешпвн и походѣ.

Первые лучн солнца заспали меня недалеко опъ Мелька, и разсѣяли беспорядокъ моихъ мыслей; я любовался прелестными, щедро разсыпанннми здѣсь рукою природы. Нѣсколько почпгъ слѣдовали мы по берегу Дуная, имѣя въ лѣво цѣпь Спнрнйскнхъ горъ, изъ-за которыхъ показывалнсь снѣжныя выспы Тироля; на правой сторонѣ не прерывался рядъ богатѣйшнхъ селеннй, около которыхъ видны были спарннныя замкн и пасущнся спада. Окрестности Энца и Лнца прекрасны; въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множеспво народа ожидало прнбышн Государя.

14го Мая мы прѣхали въ Ннмфенбургъ, загородной дворець, верспгъ шесть разспоннемъ опъ Мнхена, гдѣ Баварскнй Король намѣренъ былъ прннать Государя. Мнхенъ расположенъ на неизмѣрнмой равнннѣ, усѣянной, такъ сказашъ, деревннми; дорога опъ него до Ннмфенбурга покрыта была любопытннми. Государь изволилъ насъ лнчно представнть Королевской фамнлнн. Король сказалъ мнѣ: »будеше у меня въ гостяхъ безъ всякнхъ церемоннй.« Нельзя не лю-

бовашься, видя Короля и супругу его въ кругу шестипи маленькихъ прекрасныхъ дочерей, копорыхъ воспитаніемъ занимаешся онъ самъ. Преимущественно обращаетъ на себя вниманіе старшая дочь Короля, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее пому пять лѣтъ, назадъ въ Миланѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, на престолѣ одного изъ богатѣйшихъ царствъ въ мірѣ! Король обращается съ придворными на дружеской ногѣ: искренность его и шулки заспавляютъ забываясь санъ его. Дворъ его состоитъ челоуѣкъ изъ двадцати пожилыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ фамилій; но я не нашелъ между ними людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Испоріи, каковыхъ пріятно встрѣчалъ на ступеняхъ престола.

Любопытнѣйшій вельможа есть Графъ Монжеласъ, копорый управляетъ шремъ Министерствами: Иностраннымъ, Финансовъ и Внутреннимъ, заключающимъ въ себѣ также Министерство Правосудія и Просвѣщенія. Я съ удовольствіемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смоуірѣлъ на выра-

*

зипельныя черпы лица его. Монжелась, какъ всѣ люди, занимающіе важныя мѣста, имѣють своихъ приверженцевъ и завистниковъ; но ему должно опдать справедливоспъ, что внушрешнее управленіе Баваріи приведено имъ въ большую исправноспъ, и что въ отношеніи къ иностраннымъ Державамъ онъ поставилъ опечесство свое на такую спепень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой денъ мы ѣздили въ Минхенъ, гдѣ городъ давалъ балъ Императору въ Театрѣ. Лишь шолько Его Величество прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около четверти часа; потомъ явились актеры, одѣтые въ платье различныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, и проходили мимо нашей ложи при громѣ музыки. Король предложилъ обойти по партеру, и едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а подъ нимъ изображеніе Каменнаго Острова, который останется незабвеннымъ въ нашей Исторіи, какъ любимое мѣстопребываніе Государя Императора. Поздній попомокъ, приспавая къ сему острову, съ умиленіемъ будетъ смопрѣтъ на жилище Монарха, которого душа доступна была всякаго рода бла-

гимъ впечатлѣніямъ. Послѣ сего играли комическую Оперу; во время представленія Государь казался скучнымъ, а я вступалъ въ разговоры съ многими изъ придворныхъ. Въ Германіи наружность людей ничего не обѣщаетъ, но она обманчива; трудно познакомишься съ жителями сей благословенной страны, но чѣмъ болѣе ихъ узнаешь, тѣмъ труднѣе съ ними распахъся; связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребываютъ неразрывны во всю жизнь.

Мая 17. Сего дня мы ожидали прибытія Австрійскаго Императора. Послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чпобы вспрѣтнть Его Величество. Я находился подлѣ Вице-Короля Италійскаго, на чертахъ лица котораго примѣтно уныніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ иначе и быть не можетъ. Онъ началъ говорить со мною объ обыкновенныхъ предметахъ, но я спарался склонить рѣчь на войну 1812 года. Честн нашей никто не опнметъ; Русскіе носпавили ее на незыблемомъ основаніи; но не менѣ того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполсонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемыя имъ

Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы мнѣ позволѣте сдѣлать замѣчаніе, сказалъ онъ, что это первой ученый походъ Русскихъ, и въ ономъ показали вы превосходство вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣлялъ, продолжалъ онъ, со всею Французскою арміею увѣренность въ успѣхъ; но ваши воинскія распоряженія заславили меня вамъ удивляясь.« Прибытіе Императора Франца и Супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили пошомъ, по обыкновенію, до комнастъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ сего придворные начали расходиться, говоря другъ другу: »какой сего дня былъ шпегостный день! до вечера ничего не будетъ, ужинъ назначенъ въ девять часовъ.«

19го Мая я выѣхалъ изъ Нимфенбурга. Погода была прекрасная, воздухъ благоуханный, и я непримѣтно доѣхалъ до деревни Эслингена, гдѣ мнѣ надлежало ожидать Государя, и гдѣ я встрѣтилъ Короля Виртембергскаго. Я представился Его Величеству, и провелъ съ нимъ около часа. Король все сіе время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и о подобныхъ важныхъ предме-

пахъ; онъ также вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразуміемъ и такъ краснорѣчиво, что вселилъ въ меня особенное уваженіе. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, который, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. О немъ говорили: »въ Виртембергѣи нѣтъ Королевства, но есть Король.« Онъ управляетъ Государствомъ своимъ самъ; ни одинъ изъ Министровъ не имѣетъ вліянія на дѣла. Правленіе его строго; подаши очень велики; нѣкоторые на сіе жалуются, но за то нигдѣ въ Германіи нѣтъ такого порядка, какъ въ Виртембергѣи и такого великолѣпія какъ при Стутгардскомъ Дворѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ нѣтъ подобія той пышности и устройства, какъ здѣсь. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь введеннаго.

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски, и отправились въ Стутгартъ, по дорогѣ, лежащей вдоль берега рѣки Некара, посреди богатыхъ селеній, за которыми видна была цѣпь горъ; на одной изъ нихъ находящаяся развалины замка Варшенберга,

ошкуда приходишь пынь царспивуюцій Домъ. Выспрѣлы изъ орудій, распавленыхъ на возвышеніяхъ, возвѣспили приближеніе Государя; мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣринцевъ и увеселипельныхъ домовъ Короля. Все возвѣщало блиспашельную вспрѣчу. Дворъ ожидалъ насъ на лѣспницѣ замка; на спупеняхъ распавлены были Каммергеры и Пажи, облипыые, пакъ сказапъ, въ золотѣ, а въ переднихъ комнашахъ кавалергарды и трабаншы, въ спаринной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соопвѣтспвуютъ блеску, въ кошоромъ я видѣлъ придворныхъ: онѣ малы, убраны не богашо, но со вкусомъ. Послѣ обыкновенныхъ предспавленій пригласили насъ въ Театръ, гдѣ взоръ мой былъ ослѣпленъ пышноспію нарядовъ, и необыкновеннымъ множеспвомъ знаковъ опличія, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

21го *Мая*. Мы переѣхали изъ Спупгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное мѣспопребываніе Короля. Повсюду видны богашо одѣшые придворные и чашовые; но городъ похожъ на казарму, попому, чшо на улицахъ ни кого кромѣ военныхъ, не вспрѣчается. Съ нами вмѣ-

спѣ прибылъ сюда также Императоръ Австрійской, и по случаю встрѣчи его и предшавленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суешились. Я между шѣмъ разсматривалъ внутреннія комнаты замка, и невольно остановился въ кабинетѣ Короля, гдѣ висѣлъ при портрета, а именно: ПЕТРА Великаго, Фридриха Второго и Герцога Фердинанда, коимъ почитаешься однимъ изъ мудрейшихъ Государей въ Виртембергѣ.

Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо, на балъ, а я поѣхалъ въ Спунсгардъ, чтобы познакомиться съ славнымъ Вальцелемъ Даннекеромъ. Дорогою я любовался отличнымъ обработываніемъ земли; она здѣсь плодороднѣе, нежели въ Баваріи, гдѣ, по близости Тирольскихъ горъ, бывають холодные вѣтры. Селенія въ Виртембергѣ богачѣе, крестьяне зажиточнѣе, города и деревни выстроены правильнѣе. Спунсгардъ не обширенъ; въ немъ только одна порядочная улица. Къ сожалѣнію, я не заспалъ Даннекера дома, но мнѣ показали его мастерскую, гдѣ я видѣлъ Аріадну, лежащую на барсѣ. Она принадлежитъ къ изящѣйшимъ статуямъ въ Свѣтѣ, и смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ произведеніями

Кановы. Нѣжностъ плѣла, красота лица, выраженіе, все чрезвычайно; жаль, что на мраморѣ есть нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ отъ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, былъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрасныя грудныя изображенія Шиллера, Госпожи Алопеусъ и Князя Мешперниха.

24го *Мая*. Мы выѣхали изъ Лудвигсбурга и прибыли въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинѣ; здѣсь наша главная квартира. Ежеминутно пріѣзжаютъ сюда Генералы, офицеры, курьеры; нѣтъ болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; думаютъ уже не о веселостяхъ, а о славѣ, и жалуютъ только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная квартира Австрийцевъ находилась въ это время шестъ миль впереди, въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣряли, что въ семъ городѣ очень шѣсно на счетъ помѣщенія, но Государь, желая, по обыкновенію своему, находиться въ средоточіи военныхъ дѣйствій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная квартира его можетъ располо-

жипсья въ близлежащихъ опть Гейдельберга деревняхъ, почему мы шуда на другой день опправились.

Дорога опть Гейльбронна до Гейдельберга прелестна. Красота мѣсположений, чистой лазуревой сводъ небесъ, непомрачаемый ни однимъ облакомъ, шихое печеніе Некара у подошвы крупыхъ горъ, настроили духъ мой шакъ поэшически, чшо я молилъ дневное свѣшло умедлишь бѣгъ свой, дабы я могъ за свѣшло прѣвхашь въ Гейдельбергъ, и видѣшь окрестности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; народъ покрываль улицы; спуденшы съ веселыми, опкрытыми лицами напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; Профессоры продолжають чипашь свои лекціи. Однажды я зашелъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати верспахъ опть Французской границы, среди военного шума, они предаются Наукамъ съ шакимъ жаромъ, чшо забывають положеніе, въ которомъ находишься полишической мѣрь. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами заблужденія вашего? подумаль я, и шихими шагами пошелъ па гору, на которой возвышаються разва-

лины стариннаго великолѣпнаго замка; съ ней видна долина, простирающаяся до самаго Мангейма, усаженная деревьями, городами и садами; посреди оной открывается все теченіе Некара; вдали мелькаютъ Рейнъ и синющія горы, лежащія во Франціи. Тамъ споятъ уже непріатели; и такъ только двѣнадцать верстъ отдѣляютъ насъ отъ нихъ: скоро грянетъ громъ оружія!

ГЛАВА П.

ПРЕБЫВАНИЕ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ. — ЗАГОРОД-
НЫЙ ДОМЪ ГОСУДАРЯ. — ВОЕННЫЯ СОВѢЩА-
НІЯ. — ПОБѢДА ПРИ ВАТЕРЛО. — ПРИѢЗДЪ
ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ. — ВЫСТУПЛЕНІЕ.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Госу- дарь перѣхалъ въ скоромъ времени за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Когда сему послѣднему сказали, что Им- ператоръ желаетъ поселиться въ его домъ, по онъ, принявъ сіе за особенную честь, обѣщалъ въ топъ же день все приготоовать для принятія Его Величе- ства. Въ это время вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англій- скимъ языкомъ, и желалъ познакомиться съ супругою его и шестью дѣтьми, копорыхъ онъ осыпалъ ласками, и при- гласилъ бывать въ саду ихъ пакъ часто, какъ имъ угодно, обѣщая, что въ немъ все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ, какъ было и при нихъ.

Однажды случилось мнѣ проходитьъ

мимо сего сада, расположеннаго у подошвы крупныхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ, и я увидѣлъ въ немъ Государя, Который поливалъ цвѣшы. Я остановился и съ особеннымъ чувствомъ смогрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводившаго силами всѣхъ Державъ, наканунѣ, можетъ быть кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь царствъ, и занимавшагося цвѣшамъ! Помню Онъ взошелъ на гору и долго смогрѣлъ на прелесныя окрестности; казалось, что Онъ счастливъ былъ, любяся красотою природы, и видъ спокойствія, которое въ сіи роковыя минуты было начертано на Его лицѣ, долго мнѣ останется памятенъ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25 Мая до 10 Юня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Юня мѣсяца и начала прибывать. Полки наши приводили въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройти, не останавливаясь, отъ Нѣмана до Рейна, съ такою посѣбно-стію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ оптимъ-

ный порядокъ. Особенно было пріятно смошрѣшь на воиновъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали ошспавку въ началѣ насполцаго года; но они, извѣспясь о походѣ, просили позволенія участвовашь въ ономъ. Галунъ на лѣвой рукѣ опличаешь сихъ велперановъ. Иоаннъ Мюллеръ сказалъ: »Природа показала, что она ода»рила Россію необыкновенною силою. Ну»жно только прикоснушья до нее, чтобы »увидѣшь, какъ Держава сія развиваешь »всеобъсмяющее свое могущество. Она »едва познакомилась при Владимірѣ съ »просвѣщеніемъ Грековъ, и при Петрѣ »съ образованіемъ Европейцевъ, какъ уже »сношенія ея обняли всѣ великія Дер»жавы.« Если бы дѣписашель сей до»жилъ до нашего времени, то присо»вокупилъ бы: »лишь только двадцать »народовъ покусились нарушишь благо»денспвіе великой Имперіи, какъ въ те»ченіе полупора года по нашествіи ихъ »Русскіе уже въ другой разъ за Рейномъ.«

Между шѣмъ почти ежедневно соби»рались Генералы Союзныхъ Державъ для составленія плана военныхъ дѣйспвій. Какъ въ подобныхъ случаяхъ водилсь, они сначала не соглашались во мнѣніяхъ

на счетъ операціонныхъ линій. Одни думали, что выгодноѣ, раздѣливъ арміи, одной изъ нихъ переправившись чрезъ Рейнъ въ Базель, прикрыть Швейцарію, и начать наступательныя движенія не прежде, какъ по присоединеніи къ ней Австрійскихъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполишанскаго Королевства, а другой арміи, переправяся у Мангейма, идти по направленію на Сентъ-Дизье, и обвить арміямъ соединившись около Шомона. На сіе возражали, что принимая Шомонъ за точку соединенія, надлежитъ къ оному слѣдовать кратчайшимъ путемъ изъ Спрасбурга, а не изъ Базеля, ибо переправясь у сего послѣдняго города, лишаемся возможности въ случаѣ сраженія дѣйствовать совокупными силами. По долгихъ преніяхъ, въ копорыхъ разсуждаемо было также о продовольствіи и о томъ, какихъ Державъ войскамъ поручить наблюденіе за непріятельскими крѣпостями, наконецъ рѣшился на слѣдующее: *первое*, Россійской арміи идти на Триръ чрезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслаушерна, съ тѣмъ, что она, будучи въ готовности подкрѣпитъ армію Блюхера, направивша на Сентъ-Дизье, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ

Авспрійцами, которые, перейдя Рейвъ въ Базель, пойдуть чрезъ Бекфоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Россіянами. *Второе*, Баварцамъ не начинать насупапельныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третье*, со-рока одной тысячѣ Авспрійцевъ обложитъ Безансонъ, Оксонъ, Шлетшпадь, Бекфоръ, Гюнингень, Бризакъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Эклюзъ. Изъ числа сихъ войскъ восемнадцати тысячамъ войши въ составъ гарнизона Майнца и блокадныхъ корпусовъ около Спразбурга и Ландау. *Четвертое*, шридцати пяти тысячамъ Русскихъ обложитъ Мець, Тіонвиль, Сарлуи, Бичъ и Фальцбургъ, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ посшупитъ въ блокадные корпусы около Спразбурга и Ландау. Люксембургскому гарнизону подкрѣплятъ войска, опредѣленныя для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда того востребуешь.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, соединясь, около 20 Мая, между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюрнбергомъ, слѣдовала къ Рейну въ прехъ колоннахъ по дивизіямъ, распольніемъ въ одномъ персе-

ходѣ одна опшъ другой. Авангарду ея паде-
лежало бытъ на Рейнѣ около 6 Юня, а
послѣднимъ Русскимъ войскамъ приспѣшь
шуда 17 Юня. Какъ по сему плану вся
армія наша должна была находиться въ
первой линіи, по велѣно Графу Вилген-
штейну, расположенному на Курляндской
и Литовской границахъ и въ Царствѣ
Польскомъ, выступить въ походъ, такъ,
чтобы часть его войскъ направилась на
Триръ, а другая расположилась около
Бамберга, и сославляла запасъ для дѣй-
ствующей арміи, а Графу Милорадовичу
приказано съ гвардіею выступить изъ
изъ С. Пестербурга въ Ковно.

Сіи предположенія оказались однако же
мечтательными, ибо 8 Юня получено
извѣстіе о началіи дѣйствій въ арміи
Блюхера и о разбитіи сего полководца
при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами
по себѣ не были значительны, ибо Прус-
ская армія, вѣроятно, скоро должна была
соединиться съ Англійскою; но послѣд-
ствія ихъ могли бытъ важны въ поли-
тическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе,
бывшее до сего раздѣленнымъ вразсу-
жденіи предпріятія Наполеона, могло
вновь обратиться въ его пользу. Не-
медленно собранъ былъ Военный Совѣтъ,

въ кошоромъ рѣшили оспавить прежде приняшой планъ ипши нашимъ войскамъ на Трирь, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Авспрійской, сосредоточиться на проспранствѣ между Майнца и Базела, и слѣдовашь къ Нанси, куда предположено было достигнуть 29 Іюня. Баварцамъ поручили прикрывашь наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командующему шестымъ корпусомъ, обложить Сшразбургъ и Ландау. На случай опспушенія армій, должны были поспроиться на Рейнь при мостовыя укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе сихъ мѣръ были разосланы, какъ 10 Іюня побѣдные клики возвѣстили о сраженіи при Ваперло. Радость была неописанная, тѣмъ болѣе, что, послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не только не ожидали успѣховъ, но опасались услышать о новыхъ подвигахъ Французовъ. Тотчасъ велѣно было нашей арміи и Авспрійской персправиться чрезъ Рейнь и успремишь на Парижъ; а дабы имъ бышь сколь можно ближе одна опъ другой, то Рускія войска, перейдя 14 числа Рейнь, должны были сдѣлашь нѣсколько маршей влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оспавя вправо опъ себя прямую

Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: правая находилась подъ начальствомъ Дожшурова, средняя Саксна, а лѣвая Раевского, при которой Союзныя Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Спрасбурга. Государь, на другой день послѣ сего извѣстія, переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергъ, принадлежитъ также пріѣздъ туда Великихъ Князей. Бывшій при воспитаніи Ихъ Высочествъ Генераль Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Коновницынъ, которому предстояла честь руководствоваться на военномъ поприщѣ Внуковъ Екатерины. Доспойная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи снискалъ себѣ безсмертное имя!

ГЛАВА Ш.

Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Нанси.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ его только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, тянувшихся за Рейнъ. Однако же, все возбуждало, что война не могла бытъ продолжительна, ибо извѣстія, получаемыя съчасу изъ Франціи, свидѣтельствовали о быспрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера. Вскорѣ мы узнали и объ отреченіи отъ престола Наполеона, безъ котораго Французы не были въ состояніи съ нами воевать. Нѣсколько разъ носились слухи о его смерти, и будто въ непріятельской арміи отдано было въ приказъ, *que le grand homme a passé*. Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить пере-

миріе; одинъ изъ нашихъ Генераловъ на сіе было согласился, полагаясь на увѣреніе Французовъ, что съ опреченіемъ Наполеона прекращающіяся военныя дѣйствія; но Государь былъ симъ поступкомъ недоволенъ, и приказалъ подтвердить всѣмъ Генераламъ, чпобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріателемъ. Въ концѣ собщвенноручнаго повелѣнія по сему предмету Его Величества къ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли было сказано: »Съ благословеніемъ Всевышняго, съ помощію шаковыхъ полководцевъ, каковы вы, и съ храбростію неогцѣненныхъ нашихъ войскъ, Я надѣюсь привести къ окончанію сію новую войну и достигчь до благодѣтельнаго для цѣлой Европы мира.«

15 Іюня поутру мы опправились изъ Мангейма въ Шпейеръ. Войска проходили по мосту черезъ Рейнъ, и попому я долженъ былъ ѣхать по оному шихо, и смотрѣлъ безмолвно на каршинные берега рѣки. Шпейеръ принадлежишь къ самымъ стариннымъ городамъ; въ немъ любопытенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Здѣсь покоиися Рудольфъ Габсбургскій, копорого памятникъ разломанъ; а близъ него ле-

жилъ прахъ Императора Генриха IV, который ходилъ пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы опущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлости, между тѣмъ, какъ на обломкахъ гробницы основана Австрійской Монархiи лежатъ овесъ и солома, пригоповленные для проходящихъ войскъ.

16 *Юня*. Я ѣхалъ одинъ изъ Шпейера въ Рейнсабернъ, имѣя вправо цѣпь Богезскихъ горъ, коихъ подошва усыяна богатѣйшими селеніями; по лѣвую сторону протекалъ Рейнъ, омывающій плодосную долину, а позади его синѣлись горы благословенной Германіи. Вершины ихъ покрыты развалинами рыцарскихъ замковъ, едва мелькавшими изъ-за тумана, сквозь который проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги я видѣлъ крѣпость Ландау; тамъ неприятели, а здѣсь Русскіе шли въ густомъ строе: это подало поводъ къ размышленію о политическомъ равновѣсіи — семь благоудпелномъ феноменъ, явившемся въ послѣднія при столѣтія — которосполь тѣсно соединило между собою Державы, что для благоденствія ихъ нужно, чтобы Русскія войска были съ оружіемъ въ рукахъ въ пѣдрахъ Франціи, между

лѣтъ, какъ Французы въ собственнѣйшей землѣ своей укрываются въ крѣпостяхъ.

Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читали съ жадностію Французскія Вѣдомости, въ которыхъ изображалась борьба различныхъ парсій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда Членамъ Палаты и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали тѣ минушы, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ, когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видятъ арміи свои сокрушенными, когда многочисленные ополченія народовъ подступаютъ къ столицѣ ихъ, — словомъ скажутъ, тѣ минушы, когда опечесиво ихъ гибнетъ. Одни оплакивали народную честь и славу, поперявныя безвозвратно; другіе пишались упованіемъ счастливаго переворота: но всѣ думали найти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ. Спранно, что почти никто не обращалъ вниманія на диктаторскую власть, которая одна спасала

Державы, бывшія въ шакомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ, какъ они узнавали о повсемѣсномъ опсупуленіи ихъ армій, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе Парижскихъ Вѣдомостей, столько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издашелей: самыя заблужденія ихъ и джеумствованія писаны щегольскимъ перомъ.

18 Іюня мы высупили изъ Вейсенбурга въ Гагенау, куда я пріѣхалъ въ прекраснѣйшее упрое, имѣя во всю дорогу въ виду очаровашельныя мѣспоположенія. Проѣзжая Гагенаускій лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревъ и прохладою лѣшняго вѣперка. Если всегда пріятно быть посреди природы, то сколь безцѣнны шѣ мивупы, копорыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красотъ ея заставляешъ забывать и спраести, обуревающія свѣшъ, и бѣдствія челоувѣчества, копорыя видимъ безпреспанно предъ собою! Миновавъ лѣсъ, открылся Спразбургъ и множество городовъ и деревень, лежащихъ вдоль Рейна. Здѣсь я встрѣшилъ 17-ю пѣхошную дивизию. Опличи-

пельная черта нашихъ солдатъ есть, что ихъ ничто не удивляетъ: они съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣли на мѣста, по коимъ шли, какъ бы находились въ Россіи; иногда опголосокъ заунывныхъ пѣсень напоминалъ Волгу и Днѣпръ.

Мы извѣстились въ эпопѣе день, что въ Парижѣ учреждено Временное Правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу Главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ препорученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ отвѣта. Графъ Шуваловъ съ ними разѣхался, и Депутаты прибыли въ Главную нашу квартиру. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастьяни, Лафоре, Поншкуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Конспанъ. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Между тѣмъ, какъ Спайсъ-Секретарю Графу Каподистрія вслѣно было съ ними объясниться и сказать имъ, чтобы они ѣхали въ Лаушербургъ, верспахъ въ пятнадцати ошъ Гагенау, куда имъ обѣщано

прислать отвѣтъ, — Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Шшаба Государева, однако же не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Шшаба, то Адьюпантъ спросилъ его, кто онъ таковъ. »Не бывъ коронованною главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ,« отвѣчалъ Лафаетъ. Графъ Каподиспрія пробылъ у Деушаповъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: »Они говорятъ, что Палашты признали Императоромъ сына Наполеонова; но изъ словъ ихъ видно, что это одна личина. Себастьяни объясняются лучше и умнѣе, нежели прочіе. Бенжаменъ-Констанъ слишкомъ горячился.«

Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его отступить къ сѣнамъ Спразбурга. Чрезъ часъ послѣ получения о семъ донесенія, Государь отправилъ къ Принцу до тридцати орденовъ для награжденія оными отличившихся. Въ то же время составили особой корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Спразбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ

обезпечены со стороны Спразбурга, мы пойдѣмъ не на Кенигфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савернъ, чѣмъ сократимъ двумя переходами путь къ Нанси, куда прибудемъ черезъ чепыре дня. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединяются вшорая и прешья гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, копорыхъ Король подчинилъ Барклаю. По сему поводу Государь написалъ къ нему, чшобы онъ вѣжливымъ письмомъ изъяснилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь порученіемъ подъ его начальство сихъ опборныхъ войскъ.

21 Июл. Зной необыкновенный; но армія, не ошанавливаясь, дѣлаешъ самыя большіе переходы, испинно Суворовскіе; мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы чрезъ Рейнъ. Войска однако же не унывають, и походъ не можешъ бытъ для насъ благопріятнѣе, пошому, чшо получаемъ почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ Австрійцы шѣснятъ Лекурба, а Англичане и Пруссаки находятя близъ Парижа. Въ нашей Главной квартирѣ почти не примѣшно, чшо существуетъ война; мы выспуаемъ въ по-

ходъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, Государь верхомъ и весель. Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не было устроено съ бѣльшимъ порядкомъ; доказательствомъ служило то, что по сихъ поръ не подано еще ни одной жалобы со стороны жителей; сіе опчасти происходитъ и отъ того, что наши опасаются имѣть какой либо споръ съ Французами, потому что начальство наше при разбирашесствѣ обыкновенно сихъ послѣднихъ оправдываютъ. Хотя сія мѣра не всѣмъ кажется справедливою, однако же я думаю, что нельзя довольно щадить жителей непріятельской земли, и заспалять ихъ забываятъ несчастіе — видѣть чужеземныя войска въ своемъ отечествѣ. За то Французы пакъ довольны Русскими, что Меръ или Городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ поспоемъ Русскихъ предпочтительно предъ другими союзными войсками.

По вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окрестностямъ пѣхъ мѣстъ, гдѣ оспанавливаемся для почлеговъ. Сегодня прибыли мы въ Сарбургъ,

а упромъ проходили Вогезскія горы. Послѣ кърѣпоспѣ Фальцбургъ намъ не сдалась, и она спойпѣ на большой дорогѣ, по кошорой намъ надлежало слѣдовать; по мы принуждены были ее обходить происками, по лѣвую спорону опѣ кърѣпоспи. Маршъ былъ весьма зашруднишеленъ, по причинѣ высокыхъ и крушыхъ горъ; но мѣспоположенія споль красивы, что я забывалъ успалоспѣ. Авспрійскіе обозы тянулись съ шрудомъ по торамаъ. Не говоря о полковыхъ шяжеспяхъ, у одного Имперашора Франца спо семьдеспяпѣ дпяпѣ экипажей, а весь обозъ нашего Государя соспойпѣ изъ придцапш чеспырехъ повозокъ. Графъ Ожаровскій былъ посланъ шребовашп сдаци Фальцбурга, но получилъ опказъ. Коменданшы Французскихъ кърѣпоспей опвѣчаюпѣ обыкновенно съ опмѣннымъ благородспвомъ на дѣлаемыя имъ предложенія о сдаци; будучи образованы въ побѣдонспныхъ спшанахъ, они не могутъ привыкнутьъ къ шой мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ шители, споя у дверей, на насъ спомшрпашп; они сполько посспрадали опѣ безспреспашныхъ переворошовъ, что предались совершенно-

му равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія: духъ пакъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые неохотно говорящъ о полиптическихъ происшествіяхъ; я видѣлъ даже шаковыхъ, которые отказывающъ отъ членія Вѣдомостей. Можно сказать, что Франція заключается въ Парижъ, и обыватели Департаментовъ ожидаютъ, что изъ столицы прикажутъ провозглашать Республику, или Генриха Четвертаго, или Имперію.

Юня 22. Не успѣли мы пройти Вогезскія горы, какъ Французы образовали въ оныхъ партизанскую войну; отряды ихъ находились подъ начальствомъ двухъ оставшихъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Вчера одинъ изъ моихъ поварищъ былъ посланъ изъ Сарбурга въ Нанси; пробывъ нѣсколько верстъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу крестьянъ, числомъ около ста, которые начали по немъ стрѣлять не взирая на то, что съ нимъ было восемь казаковъ прикрытія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей Главной квартирѣ, потому что предположено было пустить впередъ съ вечера сопутствующія намъ одиннадцатую

и семнадцатую дивизию, а Государь намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поуспру; въ конвоѣ же Его Величества находящяся шолько двѣнадцать лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе сего происшествія велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхотою, и мы пойдемъ уже съ войсками. Какая разница между сими Французскими партизанами и Русскими, существовавшими въ опечесшвенную войну! Сии послѣдніе находили живѣйшее содѣйствіе между жипелями пѣхтъ мѣстъ, гдѣ они показывались, въ то время, какъ Франгузы порицаютъ своихъ партизановъ. Меръ городка Блалеона извѣстилъ даже письмомъ о истинно злодѣйскихъ и разбойничьихъ намѣреніяхъ ихъ, копорья къ счастью однако же не совершились.

Іюня 23. Мы пріѣхали въ Нанси, одинъ изъ любопытныхъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и алеямъ, насаженнымъ Спаниславомъ Лещинскимъ. Чернь воспавала вчера и прешьяго дня прошивъ Бурбоновъ. Трудно знашь, кого Франгузы жслаютъ: они называютъ Буонапарша жеспокимъ, Бурбоновъ слабыми, а республиканцами бышь не хотлять; но

всѣ соглашались, что конспиратионное Правленіе необходимо. Бушпы, бывшіе на сихъ дняхъ, происходили отъ того, что пѣкшорые изъ жишелей надѣвали прехъцвѣшныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи; паршизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпосней и возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя, что Наполеонъ приближается съ сильною армією. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить дома преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живешь тяжело раненый Ромиспръ Бервицъ, бывший Адъютантъ Князя Баграціона. »Смерть Русскому! мы »пребуемъ его крови!« кричала народная сволочь. Для отвращенія подобныхъ явленій, приказано отобрать оружіе отъ жишелей; они сами приносили оное въ дома, назначенные для складки. Я видѣлъ одного Француза, копорый, отдавая шпагу свою, поцѣловалъ ее со слезами. Едва наши войска заняли Нанси, какъ на Рапушѣ было высшавлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками сего ордена покрыли улицы и площади.

Французы всѣхъ сосполній обращаютъ

особенное вниманіе на Государя. Лѣспница, стѣны и переднія комнаты дома, гдѣ Его Величество изволилъ оспанавливаться, бывающъ наполнены народомъ съ утра до вечера; лучшіе люди города ожидаютъ по нѣскольку часовъ минуны, чпобы взглянуть на Императора: не такъ бываетъ на улицахъ, гдѣ живутъ прочіе Союзные Монархи.

Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою барынсю, вышедшею замужъ за Француза, и тамъ поселившюся. Сколь ей радостно было увидѣть своихъ единокотцевъ въ своемъ новомъ опечествѣ, сіе легко можно себѣ представить, а чпо она оказывала услуги плѣннымъ и раненымъ нашимъ, то весьма спспественно. Она разсказывала мнѣ о разныхъ непріятностяхъ, претерпѣнныхъ ею опъ Французскаго Правительства, особенно во время правленія Наполеонова, съ какимъ презрѣніемъ, каковаго опъ Россіянки ожидашь должно къ споль безнравственнымъ людямъ, каковы чиновники бывшаго Повелителя Франціи.

Юня 26. Партизаны спановляшся безпрестанно предприимчивѣе; увѣряють, чпо начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Нанси, въ день нашего опъѣзда. Сегодня

они показывались въ виду Государя, изъ
лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на
возвышеніяхъ, съ которыхъ они подають
сигналы другъ другу. Они ранили одного
гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ сей,
поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ
на ту самую гору, откуда онъ раздался.
Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ, »что
»въ первый разъ въ свѣпѣ разбойники
»нападають на двухъ Императоровъ.« Но
это скоро было забыто, ибо на переходѣ
между Нанси и Линьи мы получили изъ-
вѣстіе о занятіи Парижа Англійскими и
Прусскими войсками: разговоры о мирѣ
и о Парижѣ, котораго память еще пакъ
свѣжа, засступили мѣсто пригошовленій
къ военнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ. — ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ. — ДОРОГА ДО ШАЛОНА. — ДОРОГА ДО МО. — ВЪѢЗДЪ ВЪ ПАРИЖЬ. — СВИДАНІЕ ГОСУДАРЯ СЪ ЛУДОВИКОМЪ XVIII. — ДВОРЕЦЪ ЭЛИЗЕ-БУРБОНЬ. — ЗАМѢЧАНІЕ О ВТОРИЧНОМЪ ВЪѢЗДѢ ГОСУДАРЯ ВЪ ПАРИЖЬ.

Франція находилась въ сіе время въ безначаліи; разсѣяныя войска ея соединялись на лѣвомъ берегу Лоары; народъ ругался надъ мѣстными начальствами; въ нѣкопрыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война; Народное Собраніе, непризнаваемое законнымъ Союзными Государями, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на престолъ Франціи; Парижане волновались и были ожесточены нѣкопрыхъ поступками Союзниковъ, особливо тѣмъ, что Пруссаки намѣревались взорвать Іенскій мостъ. Безопасность Парижа была угрожаема мятежными жителями сего города; не-

лзя было полагагься на національную гвардію, потому что она въ печеніе полутора года присягала премо Правительствамъ, совершенно различнымъ одно оупь другаго. Въ семъ положеніи Веллингтонъ и Блюхеръ почли выше силъ своихъ возстановить порядокъ; имъ надобно было, сверхъ того, знать дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей, и потому, извѣстія ихъ о занятіи Парижа, они убѣдительно просили Монарховъ объ ускороеніи прибытія своего въ сію столицу.

Лѣвая колонна Россійской арміи, съ копоромъ слѣдовали Ихъ Величества, пришла 27 Іюня въ Сентъ-Дизь, разстояніемъ оупь Парижа на 220 верстъ: слѣдовательно она не могла быть тамъ прежде семи или осми сутокъ, а между тѣмъ каждая минуша была драгоцѣнна. Хотя Французы были обезсилены, хотя ихъ крѣпости были обойдены, ихъ войска обращены въ бѣгство, земля ихъ болшею частію занята иностранными арміями: но невозможно было пренебречь опчаяніемъ, которое могло поселиться въ народѣ, состоящемъ изъ двадцати пяти милліоновъ жителей, говорящихъ однимъ языкомъ и помнящихъ недавнюю славу своего имени. Минуша медленности

заспавила бы, можепть бытъ, проливапть рѣки крови человѣческой. Съ другой стороны казалось слишкомъ опважнымъ проѣхавъ изъ нашей Главной кварпиры до Парижа болѣе 200 верстъ проспранспва, незаняпшаго нашими войсками.

Государь рѣшился однако же отпра-
випсь изъ Сень-Дизье, слѣдовапельно
изъ того самаго города, гдѣ Наполеонъ,
въ Маршѣ мѣсяцѣ 1814 года, сдѣлавъ дви-
женіе на линію сообщеній Союзныхъ ар-
мій, лишился преспола. Главная кварпир-
ра наша продолжала слѣдованіе съ лѣвою
колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его
Величеспво, оставя оную 27 Іюня, по-
ѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Импе-
рапоромъ Францомъ, съ коимъ находи-
лись Канцлеръ Князь Метпернихъ и
Оберъ-Гоѣмаршалъ Графъ Врбна и съ Ко-
ролемъ Прусскимъ, коему сопутспвовалъ
Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а при Госу-
дарѣ находились Спашсъ-Секретари по ино-
спранной частпи и Начальникъ Его Шшаба,
при копоромъ былъ я. Мы всѣ помѣсппи-
лись въ девлпи экипажахъ, и положено
было не опспвапть другъ опъ друга и
ѣхавъ вмѣстѣ. На каждой спанціи до го-
рода Мо выставлено было по ппидеся-
пни казаковъ, назначенныхъ насъ сопро-

вождать подъ начальствомъ Графа Орлова-Денисова, который на одной и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почтахъ; жители принимали насъ довольно равнодушно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они буйными толпами пѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ и сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали имъ Генриха IV, то Короля Римскаго, то Императрицу Марію Луизу, то Людовика XVIII, иногда Наполеона, — но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и простой народъ во Франціи знаетъ, что отъ Русскаго Царя зависитъ участь его.

Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь рѣшился на столь опасную путь, въ которомъ соння рѣшишельныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимую дефилею крѣпость Винпри, которая еще не сдалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизону. Она обложена

малымъ числомъ нашихъ драгуновъ; Французы со спѣхъ ясно могли видѣть наше слѣдованіе; двѣ колонны вышли изъ города, я содрогнулся, но онѣ скоро возвратились обратно въ оной. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »чего ты спрашишься, ты везешь Александра!«—Вечеру мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Улицы долго наполнены были народомъ; жители удивлены нашимъ пріѣздомъ; они не постигають, какимъ образомъ мы находимся посреди ихъ безъ войскъ.

28 Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ ведущей чрезъ Эперней, Шапюшьерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошаемой Марною, коея берега, испещренные цвѣтами, образують прекраснѣйшія мѣстоположенія. Отъ города Мо, копорыи невольно напоминаетъ Боссюэпта, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся поодинакѣ въ дома свои; у нѣкоторыхъ были ружья, на кои они едва осмѣливались смотрѣть. На лицахъ ихъ начертана была горечь, и всѣ кланялись намъ вѣжливо. Это были остатки арміи, называвшейся некогда

великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ сихъ
воиновъ были за два года въ Кремлѣ!
Какое разспояніе опъ сего унизительна-
го соспояніа до той гордосши, копорую
Французы оказывали прежде! Сердце мое
сильно зашрепешало, когда мы проѣхали
мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели не-
забвенную ночь наканунѣ 19 Марша 1814
года, и гдѣ объявлено было Коленкуру,
что съ пославшимъ его прекращающіяся
всякія сношенія, и что съ нимъ въ пе-
реговоры болѣе вступать не намѣрены.
За селеніемъ Панпень открылись предъ
нами Монмаршрѣ, все проспранспиво опъ
Сенъ-Дени до Венсена и Парижѣ — гото-
вый принявъ своихъ избавителей!

О Россія! на какую степень славы
ты вознесена! Въ другой уже разъ Царь
швой предписываешь законы Европѣ, въ
другой разъ Монархи и народы изби-
рають его посредникомъ своимъ, въ дру-
гой разъ могущеспвенная армія швоя да-
руетъ миръ вселенной! Признаюсь, что
я почипалъ себя счастливымъ, находясь
шоль близкимъ свидѣтелемъ ея шорже-
спва, которое въ шу минуту исполняло
всю душу мою. Неизъяснимыя чувспва
и мысли волновали меня, когда мы въ
семь часовъ вшера вѣѣхали въ предмѣ-

стіе Парижа; уже мы въ воропахъ Сень-Маршенъ, уже на бульваръ, уже въ улицъ Сеншъ-Оноре! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро видѣть Государя; радость ихъ спановишся шѣмъ сильнѣе, чѣмъ прїѣздъ Его Величества для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрявшъ на Государя и не узнаютъ Его, а потомъ, подобно челоуѣку, заключенному въ мрачную шемницу, кошорый впервые по освобожденіи видишъ дневное свѣтило, Парижане взываютьъ въ восторгъ: вошъ Александръ! вошъ нашъ избавишель! вошъ Русскіе!

Государь оспановишся во дворцѣ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жишъ и въ прошломъ году. Чрезъ полчаса прибылъ Король Французскій, кошорого Императоръ встрѣшилъ на крыльцѣ. Оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнашы, въ кошорой бесѣдовали, по на Государѣ была голубая лента ордена Свяшаго Духа, и Лудовикъ XVIII, обращая къ намъ, сказалъ Государю: »Ваше Величество, объявише симъ господамъ, что на васъ не лента »Св. Андрея Первозваннаго.« Они разошлись, по видимому, ласковѣе и дружнѣе, чѣмъ встрѣтились. Если бы сердце Але-

КСАНДРА доступно было самолюбію, по какому удовольствію должно оно было предаваться въ семь свиданій, гдѣ онъ являлся въ видѣ наспоющаго покровишеля Короля Французскаго, коего предки, въ недавнія еще времена, при всякомъ всякомъ удобномъ случаѣ спаралися брашъ первенство надъ нашимъ Дворомъ!

Послѣ отъѣзда Короля, народъ до самой ночи толпился на улицѣ передъ дворцемъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ Государь оспановился и гдѣ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего, и опрекся опть преспола. Никшо не занималъ компаншъ его; мебели въ оныхъ въ шакомъ же положеніи, какъ онѣ были при немъ; его садовники, нѣсколько приврашниковъ и служишелей не лишились мѣспъ своихъ; садъ сохраняется въ шакомъ же порядкѣ; два лебедя, какъ и при немъ, плаваюшъ по чиспому пруду. Между тѣмъ, какъ присланные изъ Тюльерійскаго дворца мепрѣ-д'ошели въ нарядныхъ кафшанахъ, съ напудренными головами, и украшенными орденами Лилии, накрывали на столъ и ушавляли его отборнѣйшими винами и самыми лакомыми яспвами, я ходилъ по компаншамъ Элизе-Бурбонъ, и заглянулъ въ темныя алены его сада, ду-

мая, что до послѣдняго вѣка, въ которъй прекратился существованіе нашего міра, люди будущъ спекашся сюда, размышлять о превратности Царствъ и вспоминать объ Александрѣ, которъй здѣсь, въ чертогахъ своего соперника, сполна на высшей степеніи человѣческаго величія, предавался уединенію и возносился мыслію къ небу.

— Если ничто не можешь сравниться съ торжественнымъ всупленіемъ нашимъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводительствовалъ своими войсками, и былъ въспрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жителей, то нынѣшній въездъ Его Величества въ сію столицу останется не менѣе памятнымъ. Онъ есть единственныи въ лѣтописяхъ міра, ибо не слыхано, чтобы Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятельскую безъ единого война и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ всупленія его сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и чтобы побѣжденный народъ сказалъ, говоря о своихъ побѣдителяхъ: «Избавиши ели наши прибыли, и мы спасены.»

ГЛАВА V.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ПАРИЖАНЪ. — ГРАФЪ СЕГЮРЪ.
— АУДИЕНЦІИ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ. — ГЕНЕРАЛЪ
САРРАЗЕНЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ. — СМОТРЫ АНГЛІЙСКИХЪ
ВОЙСКЪ. — ЖИВОПИСЕЦЪ ЖЕРАРЪ.

Вѣсть о прибытіи Государя въ Парижъ, съ несомвѣрною быспрошею разнеслася по городу, и успокоила всѣ сословія жителей на счестъ безопасности ихъ, ибо всѣ различныя паршіи, господствовавшія во Франціи, призывали Его своимъ покровителемъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровительствовалъ семейству Наполеонову, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкопорыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же запрещено имъ было взрывать. Крестьяне прилежащихъ къ Парижу селеній, пригнавшіе въ споллицу скотъ свой, и перевезшіе въ оную лучшіе пожипки, изъ опасенія, чпо-

бы онъ недоспалися въ руки побѣдипселей, узнавъ о прибышїи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои.

Я слышалъ подробныя о семъ извѣстія опъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Екатеринѣ, въ домѣ копораго для перваго ночлега отвели мнѣ квартиру, ибо комнапа моя въ Элизе-Бурбонѣ не была еще готова. Онъ меня принялъ посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и вспрѣшилъ сими словами: »Вы еще слишкомъ молоды, чѣобы помнишь шо время, когда я »былъ въ Россїи.« Я опвѣчалъ, чшо пребываніе его оспавило въ памяти соотечественниковъ моихъ неизгладимые прїятныя слѣды. Хотя я и замѣнилъ, чшо нѣкошорымъ изъ госпей, преимущественно изъ молодыхъ, не совсѣмъ упѣшипельно было смопрѣшь на мой Русскій мундиръ: однако же, извиняя сіе весьма еспественное чувсшво народной гордости, я симъ не забопился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почшеннаго хозина, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, и кошорый, будучи Посломъ, изгнанникомъ, царедворцсмъ

и государственнымъ человекомъ, не преспавалъ обогащашъ ученый свѣтъ сочиненіями, и такъ устроилъ жизнь свою, какъ будто бы она исключительно посвящена была Наукамъ. Мнѣ кажется, что одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, который съ спокойствіемъ взираетъ на закашъ дней своихъ, въ увѣреніи жить долго въ памяти людей не по однимъ скорисчезающимъ словеснымъ преданіямъ, но по подвигамъ своимъ, или по произведеніямъ ума и воображенія.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю: шуть находилия и республиканцы, какъ напримеръ Фуше, которые засѣдали въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ власпей, попеременно обивавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Нельзя было безъ любопытства смотрѣть на лица сіи, коихъ имена были болѣе или менѣе извѣсны по Исторіи послѣднихъ прицати лѣтъ. Къ обильнымъ происшествіямъ сей достопамятной эпохи недоспавало только, кажется, видѣть сихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они спояли

смѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Блюхера, копорый, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную свою приверженность къ Императору: »Онъ мой судья, говаривалъ сей полководецъ: я опъ него принимаю охотно и выговоры и награды.«—Генералу Ципену, спноявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: »Я васъ зналъ Капишаномъ въ походѣ 1807 года: погда мы были въ другихъ обстоятельспвахъ; но не спыдно признаваться въ неудачахъ для тѣхъ, копорые успѣли воспользо- ваться уроками.«

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ человекъ во Французскомъ генеральскомъ мундирѣ; это былъ Сарразенъ, извѣстный своими похождениями и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ причину, по копорой онъ ко мнѣ прѣхалъ, я сказалъ ему, что и я намѣренъ воспользоваться симъ случаемъ, что бы его просить объ одномъ дѣлѣ. — »Приказывайше,« ошвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи къ походу въ Испанію, продолжалъ я, вы назвали Князя Купузова бѣгльцомъ изъ подлѣ Аусперлица. Знаете ли вы, кто шakovъ былъ спаситель Россіи? —

Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заспавилъ его признашься, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дасть мнѣ слово въ слѣдующемъ изданіи — уничтожить сіе неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недалекомъ отъ оной разстояніи; много нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ; почти у всѣхъ были въ семъ городѣ прошлогодніе знакомые и связи: человекъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что посѣщая вооруженною рукою Парижъ, и бывъ шамъ домашнимъ человекомъ во многихъ семействахъ казалось тогда самую простую вещь. Поушру находились въ Элизе-Бурбонъ тѣ же самыя лица, копорыя прежде сѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца; для каждаго начались, какъ бы посреди мира, обыкновенныя занятія по службѣ, по окончаніи копорыхъ наслаждались удовольствіями, во множествѣ представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры, душою коихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолженіи

ніе походовъ Онъ былъ душою всѣхъ военныхъ дѣйствій. Когда придетъ время поднять завѣсу, сокрывающую тайныя пружины происшествій той эпохи, то увидятъ, что вся Европейская полиника вращалась около Александра.

Одно, что напоминало нѣкоторымъ образомъ войну, это были маневры, которые производили, въ присутствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска, занимавшія Парижъ. Повлеченіе послѣднихъ на швердой землѣ было споль необыкновенно, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Они недавно еще считались неспособными къ сухопутной службѣ, ибо послѣ Марлбруга прошло уже спольшіе а нынѣ подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественный; они одѣты покойно, но не красиво; маневрируютъ съ точностію, но одиночная выправка не удовлетворяетъ требованіямъ нашей рекрутской школы; лошади, сбруя, артиллерія въ совершенствѣ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его и офицеры его Штаба, коихъ число въ сравненіи съ про-

чими арміями весьма ограниченно, не суепливы, и хопя внѣ службы къ начальнику своему кажупся не совсѣмъ почтительны, но передъ войсками приказанія его принимаюпть съ возможнымъ уваженіемъ, и развозяпть ихъ съ неимовѣрною быспрошою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, которыя казались въ ремеслѣ своемъ споль же новы, какъ и самое полипическое существованіе Королевства ихъ. Подлѣ нихъ находился обыкновенно опрядъ Брауншвейгскихъ войскъ, одѣшыхъ въ черныя мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ мерпвыми головами, надъ копорыми развѣвались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдапа означала прауръ по убиномъ при Капрѣ-Бра Герцогѣ ихъ, и умножала мрачный видъ ихъ войскъ. Посреди маневрировавшихъ полковъ арміи Веллингтона, множесиво Англичанокъ съ бодростію вѣдили верхомъ, не спрашась пальбы; изъ сихъ оспровитянокъ двѣ ни на шагъ не оплучались опъ Фельдмаршала. Во время смопровъ, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытствомъ, копорос

*

можно только объяснить пѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣсколькимъ часамъ смотрѣли на движшія, производимыя побѣдителями ихъ на пѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли они опечисленные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной сполиты Европы въ другую.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому Живописцу Жерару, который писалъ портреты Государя. Лѣстницы, переднія, галлерей его дома, все обнаруживаетъ жилище Художника: вездѣ древнія вазы, статуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ. »Принимаясь за портретъ, сказалъ онъ, я »былъ въ недоумѣніи, какіе предметы помѣстить около Императора; ибо Его »Величество не одобрило первоначальной »мысли моею — изобразить Его посреди »Парижа. Я намѣренъ былъ представить »равнины Россіи, потомъ думалъ я написать богиню мира съ ея принадлежностями; но все это казалось мнѣ обыкновеннымъ и недостойнымъ единственного »мужа, котораго черта надлежало кисти »моею передать потомству; для сего рѣшился я начертать только одного

»Александра.« Вопль какимъ образомъ онъ сіе выполнилъ. Императоръ, въ конномъ зеленомъ мундирѣ, шляпа съ бѣлымъ перомъ лежишь у ногъ Его, лѣвая рука на сѣсѣ шпаги; вокругъ Него свирѣпствуетъ буря; внизу густыя черныя облака; сквозь оныя сверкають молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя являешся въ свѣпѣ тѣмъ болѣе яркомъ, что свѣпѣ сей находящся въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важенъ, и хотя сходство неразительно, но характеръ Его выраженъ вполне. Таковымъ видѣли мы Его въ ту минуу, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ апаквалъ лично карен непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвилья говорилъ съ посланными Парижа. »Я не хотѣлъ, сказалъ Жераръ, »изобразить на устахъ Его улыбку, какъ »сдѣлалъ Изабе, коего миніатюрныя портреты могутъ служить только для »перстней или шабакерокъ, потому что »мое намѣреніе было представить героя,

»повелѣвающаго вселенной и носящаго въ себѣ судьбы ея.«

Жераръ водилъ меня по своей мастерской и сказалъ: »Вопѣ Велисарій, копорому я обязанъ пѣмъ, что сдѣлался извѣстнымъ; а сія картина познакомила меня съ Наполеономъ: она предспавляетъ по мгновеніе Аусшерлицкаго сраженія, когда Генераль Раппъ доноситъ Имперашпору, что Французскія войска одержали побѣду. Послѣ окончанія сей картины Наполеонъ давалъ мнѣ очень много порученій, и я бы былъ неблагодаренъ, если бы не признавался, сколько я обязанъ ему и его фамиліи. Я съ нимъ часпо говаривалъ о живописи и нѣсколько разъ писалъ его портреты; онъ не могъ перпѣшь, чшобы ему смотрѣли въ глаза.« Въ мастерской его находились портреты Короля Прусскаго, тогдашняго Наслѣднаго Шведскаго Принца, Фельдмаршаловъ Веллингтона и Шварценберга, и другихъ знаменитыхъ особъ. Примѣчательно, что Французы, издающіе въ свѣтъ посредствомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ Художниковъ, не вздумаютъ напечатать такимъ образомъ портретовъ Жерара, писанныхъ имъ во время двукрашнаго занятія Парижа Союзными вой-

сками. Это происходишь отъ какой-то заспѣчивости, посредствомъ которой они надѣюшся, вѣроятно, сокрыть отъ потомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ Живописца, коего кисть прудилась надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ опечеспа.

Черезъ мѣсяць послѣ вѣзда Государева въ Парижъ, шо есть 29 Іюля, претія гренадерская и впорая кирасирская дивизіи входили съ поржеспвомъ въ сію споллицу, и въ другой разъ развѣвалися шамъ наши знамена.

ГЛАВА VI.

Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворець.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различествовало отъ того, въ которомъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, упомянутые двадцати-пяти лѣтними переворотами и непрерывными войнами, пожавшими миллионы людей, надѣялись найти ручательство своего спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По сей причинѣ всѣ сословія гражданъ желали возвращенія стариннаго Дома своихъ Королей, хотя не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданностью, но всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ крошкаго правленія, соответствующаго духу времени и положенію, въ которомъ находилось ихъ отечество.

Обманушые въ своихъ надеждахъ, они руюкоплекскали при появленіи знамениаго изгнанника съ оспрова Эльбы, при копоромъ надѣялись, ежели не возврашишь ушраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти швердое правленіе, основанное на началахъ, удовлешворявшихъ ихъ желаніямъ. Но въ семъ случаѣ они нашли сопрошивленіе въ Державахъ всей Европы, рѣшишельно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгресѣ, что онѣ почипають владычество Наполеона несомѣспнымъ съ общимъ спокойшвіемъ. Побѣда при Ваперло утвердила сіе объявленіе, и Бурбоны возврашились во Францію уже не по единадушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, опѣ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семействахъ, копорый мы нашли въ броженіи и копорый, возрастаая поспепенно и укрьляаясь безпреспанно, по прошеспвіи пилнадцати лѣтъ обреть попомковъ свяаго Лудовика на вѣчное изгнаніе.

Франція представлала въ семъ опношеніи любопышное зрѣлище, ибо, по врожденному въ насъ свойшву, мы охошнѣ смопримъ на народъ, обуеваемый спра-

спями, нежели на схрану, гдѣ царспвуесть пишина, подобно тому, какъ мы съ большимъ удовольствіемъ оспанавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъяпная поверхность водъ его ничѣмъ не колеблется. Въ это несчастное время въпреносъ Французовъ явилась въ полномъ шоржествѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужеспранными войсками, что во многихъ мѣстахъ свирѣпствовали бунты, осаждали крѣпости на сѣверной границѣ и кровь десятковъ тысячъ жершвъ дымилась на поляхъ Линьи и Ваперло, пещеры и кофейные дома наполнены были народомъ, и радостныя шолпы покрывали гульбища. Въ Журналахъ помѣщаются были спашья споль же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ опечесства; бѣлые или красныя цвѣты на какойнибудь актрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры, ибо зрители не соглашались въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сихъ цвѣшовъ, къ какой паршіи принадлежишь актриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора. Словомъ сказать, сжали бы когонибудь, незнавшаго предшесствовав-

шихъ происшествій, привезши въ Парижъ, шо онъ сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствія не касались земли, коей городъ сей естъ столица.

Нельзя было смотрѣть безъ презрѣнiя на равнодушiе Французовъ къ тому унижительному положенiю, въ копоромъ они находилися. Сколько Живописцевъ принесли къ намъ на продажу карпины, представляющiя вспугленiе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому подобныя изображенiя! Какъ бы поступили у насъ съ Художникомъ, копорой бы вздумалъ нарисовать какую нибудь побѣду враговъ Россiи, и поднесъ бы имъ такое произведенiе своей кисти? Даже когда нѣкопорые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно карпины и шапуи, имъ прежде принадлежавшiя, шо Французы не показывали большаго прискорбiя, чему я былъ личный свидѣтель, хотя въ послѣдствiи Писатели ихъ и упверждали проповное. Не было власти споль священной, надъ копорой бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ я нашель слѣдующее: »Разсмапривая »воинскiя склошоспи народа и ролю шо »героническую, шо шуповскую, копорую

»Франція играла на театръ Европы въ
»продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я ду-
»маю, что ей необходимо имѣть шакого
»Короля, который бы умѣлъ хорошо
»ѣздить верхомъ, — посему я предлагаю
»избрать Королемъ нашимъ берейшора
»Франкони!»

Въ сихъ обстоятельствевахъ одни во-
енные сохранили нѣкоторое достоинство
характера и чувство собственнаго къ
себѣ уваженія. Они виновны въ томъ,
что прислали къ Наполеону при по-
явленіи его во Франціи съ острова
Эльбы, хопя и увѣряющъ, что они ру-
ководствовались въ семъ поступкѣ на-
деждою возстановить упраченную славу
ихъ оружія. Не входя въ разсмотрѣніе,
до какой степени они пресупны, нельзя
однако же не ошдашь справедливости не-
пріятелямъ, долгое время прошивъ насъ
сражавшимся, — что они, видя бѣдствія
своего опечесства, являли въ поведеніи
своемъ совершенную противоположность
съ прочими своими согражданами. Пріятно
было встрѣчашъ военныхъ, ходив-
шихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣв-
шихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ.
Впрочемъ въ этомъ году они были не-
сравненно скромнѣе, нежели въ прежнемъ;

тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ сполнцу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ прошломъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ Театрахъ они принимали съ восторгомъ всѣ выраженія, относившіяся къ чести Франціи, и заставляли актеровъ повторять тѣ слова, которыми оную напоминали.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ: казалось, что они забыли зло, симъ человекомъ причиненное, а только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, которою онъ ихъ озарялъ. Издатели Журналовъ всѣхъ почти парсій, какъ бы по взаимному условію, прекратили свои распри; ненависть на минушу почилла при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человека, котораго судьба принудила опдаться въ руки люшѣйшимъ врагамъ его. Последняя особа его семейства, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Горшензія, отправилась тогда изъ сей

столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около этого времени обнаружены были списокъ пѣмъ, которые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20 Марта; однихъ приговорили къ изгнанію, а другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедоера, который съ полкомъ своимъ, споявшимъ въ Греноблѣ, первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился публично, и въ засѣданія онаго впускали по билетамъ, которые, какъ примѣрно было, раздавались большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагоприсойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ въ шакомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. »Взгляните на послѣдствія его поступка, сказалъ обвинитель: всѣ узы гражданства во Франціи разпоргнушы; она повержена подъ иго чужеземцевъ, междоусобная война пылаеть повсюду, отечество спойшь на краю гибели.«— Предсѣдатель спросилъ Лабедоера, обвиненнаго въ измѣнѣ пропиву государства, что онъ имѣеть сказать въ свое оправданіе. Лабедоеръ, прекрасный прищашн-льпнній мужчина, ода-

ренный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: »Не
»запираюсь въ пресупленіи; но скажу
»слабымъ голосомъ смерти, что вина
»моя не можешь опнять у меня чести,
»копору я долженъ передать непосрам-
»ленною женѣ моей и сыну моему. Я обя-
»занъ ее защищать, дабы сынъ мой, до-
»спигнувъ до возраста, когда онъ посвя-
»титъ себя на службу отечества, не
»былъ при самомъ вспуленіи въ оную
»покрытъ стыдомъ.« Онъ спарался до-
»казать, что пресупленіе можешь суще-
»ствовать, а человекъ, оное совершившій,
»быть невиненъ; въ примѣръ поставлялъ
онъ себя. Для сего онъ предпринялъ изло-
»жить положеніе, въ кошоромъ находи-
»лось тогда отечество его; но едва успѣлъ
онъ сказать, »что послѣ желаннаго всѣ-
»ми возвращенія Бурбоновъ общее мнѣніе
»начало противъ нихъ обнаруживашься,
»оказались повсюду неудовольствія, осо-
»бенно въ войскахъ,« какъ слушапели изъ-
»явили свое неудовольствіе, и Предсѣда-
»тель, прервавъ его рѣчь, совѣтовалъ ему
не опспушать опъ предмета своего и
»довольствовашься личнымъ защищеніемъ
»своимъ. Лабедоеръ замолчалъ, спряпалъ
»бумагу, на кошорой рѣчь его была напи-
»сана, и сказалъ: »Топъ, кшо многократно

«предводительствовалъ храбрыми людьми къ смерти, будетъ умѣть и самъ лоную вспрѣшпшь. Я не говорю, чптобы я не сдѣлалъ преспуленія, въ кошоромъ меня обвиняюшъ; но ушверждаю, чпто я не виноватъ и не поперялъ чести. «Мнѣ поручили, присокупилъ онъ, усмирить духъ седьмага линѣйнаго полка, «коего я былъ начальникъ, но могъ ли я «заспавить солдатъ забытъ имя полководца, водившаго ихъ въ побѣдѣ въ печеніе пятнадцати лѣтъ?»

Въ одномъ Журналѣ, кошорый въ продолженіе сего суда принималъ спорону обвиненнаго, была помѣщена между прочимъ слѣдующая спашья, обнаруживающая духъ, господствовавший во Франціи: «Лабедоеръ служилъ въ молодыхъ лѣпахъ «подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII «извѣспенъ ему спалъ шолько за десять «мѣсяцевъ. Преній Монархъ его, кошораго опреченіе опъ преспола казалось «ему вышужденнымъ, явлелся предъ нимъ. «Онъ привыкъ долгое время почипашъ «законнымъ Государемъ шого, кошораго «всѣ Державы шакowymъ признали, и мы- «сли сіи пробуждаютъ въ немъ еще не- «угасшую къ нему привязанносшь. Блескъ «воинской славы преннаго его Монарха

»опъ започенія и несчастія возвеличи-
 »ваеся въ глазахъ его приверженныхъ, и
 »дѣйствуетъ на пламенное воображеніе,
 »которое увѣряетъ ихъ, будто онъ
 »повинуется гласу долга, въ то самое
 »время, когда они попираютъ ногами свя-
 »щеннѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ
 »день испребитъ предразсудковъ своихъ,
 »перемѣнитъ мнѣнія, наклонности и образъ
 »мыслей, справедливо или ложно основан-
 »ныхъ, но укрѣпленныхъ временемъ. Въ
 »семъ состояніи его истинное преспу-
 »шеніе, но всѣ Французы оно раздѣляли.»

Таковыя выраженія и подобныя имъ,
 помѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ въ
 домоспяхъ, имѣли цѣлю не столько
 оправдывать обвиненныхъ, сколько разду-
 вать пламень раздоровъ, усиливавшійся
 еще по той причинѣ, что вслѣдъ за каз-
 нию Лабедера начали судить сообщни-
 ковъ его, въ числѣ коихъ находился и
 Маршалъ Ней, чинимый во Французской
 арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ Генера-
 ловъ. Хотя доказательствъ въпреноси
 высшаго и средняго сословія Парижанъ,
 были очевидны, однако же не надобно
 было перятъ изъ вида, что въ Парижѣ
 находилось двѣсти тысячъ чловѣкъ, ис-
 нмѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни на-

дежнаго пропитанія, и возросшихъ посре-
ди кровопролитій революціи, копорыхъ
легко можно было взволновать: разврат-
ная чернь сія, способная на всякія пре-
ступленія, имѣла по ночамъ сходбища
въ предмѣстіяхъ города, издѣвалася на
улицахъ надъ солдатами Королевской гвар-
діи, съ жадностію внимала чтенію Жур-
наловъ, издаваемыхъ демагогами, и при
всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ
законному своему Правительству. Поло-
женіе многочисленной необузданной тол-
пы сей, содержимой въ уздѣ присущ-
ствіемъ Союзныхъ армій, можно было
уподобить хищному звѣрю, гложущему
цѣпь, къ копорой онъ прикованъ, но го-
шовому при первой возможности пре-
дашься врожденной ярости своей. Въ сихъ
смущенныхъ обстоительстввахъ, Государь,
получавшій нерѣдко разнаго рода предо-
сперегашельныя извѣстія, не подавалъ
вида, чшобы Онъ чего либо опасался: хо-
дилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался
ежедневно по Елисейскимъ полямъ верхомъ,
въ сопровожденіи одного шолько конюшаго,
и ѣздилъ по городу въ карепѣ, запряжен-
ной двумя лошадьми, съ двумя лакеями
Французами, и съ кучеромъ Французомъ
же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ

Элизе - Бурбоны содержали попеременно Пруссаки и Англичане, и только на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ: окруженные своими приближенными, неоставлявшими ихъ въ изгнаніи, они казались странниками посреди народа, надъ коими предки ихъ владычествовали многія столѣтія. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа; я видѣлъ Французовъ, бывшихъ объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, они не удержатся на престолѣ своемъ. Мнѣ случилось въ это время имѣть порученіе къ вдовствующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣснаго въ революціи Эгалите, почивавшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за столомъ, когда я пріѣхалъ, но велѣла меня поспѣшь къ себѣ пригласить, и посадила меня подлѣ себя: между тѣмъ, какъ она читала письмо, копорое я ей вручилъ, я могъ взглянуть на особъ, составлявшихъ ея обществъ. Тутъ находились единственно спарики, копорыхъ, по пла-

*

пью и по пріемамъ, легко было признасть за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ перднихъ. При семь родилась естественна мысль, что ежели обществво опличнѣйшей особы дома, споль близкаго по родству съ Бурбонами, заключалося въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понятіямъ своихъ современниковъ, то каково же оно должно бысть у прочихъ лицъ сего семейства?

Любопытство завело меня однажды въ Тюльерійскій дворець. Я видѣлъ оный въ царствованіе Наполеона, окруженный пѣшими и конными часовыми его гвардіи, опличавшейся воинскою осанкою. Теперь около него не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Карусельской площади. Въ передней залѣ стоялъ караулъ, и шрое гвардейцевъ, опроческихъ лѣпъ, вызвались бысть моими жокашыми; но они не знали дороги въ семь огромномъ зѣмкѣ, и едва мы вступили во впроую комнапу, какъ преспарѣльый кавалеръ ордена Свяшаго Лудовика закричалъ: »сюда не ходяшъ!« и даже не приподнялся со спула, хотя я ему показалъ свой билетъ, на кошоромъ написано было, что я Капишанъ гвардіи Россійскаго Им-

перашора, шо есть Монарха, по милости копораго дворець сей возвращень былъ законнымъ своимъ владѣтелямъ. На карнизахъ, на дверяхъ и на люстрахъ сіяли вензеля Наполеоновы, а на стѣнахъ висѣли карпины, изображающія его походы, о кошорыхъ проводники мои не имѣли ни какого понятія. Такимъ образомъ, когда мы оспановились подлѣ карпины сраженія Прейсигъ-Эйлаускаго, они говорили мнѣ съ увѣренностію, свойственною Французамъ, что это одна изъ битвъ Египетской войны. По дворцу ходило нѣсколько военныхъ, несопрятно одѣтыхъ; между ними я не встрѣшилъ ни одного степеннаго челоуѣка. Комнаты были не чисны, мебель спояла не на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ какого-шо неуспройства и разрушенія.

ГЛАВА VII.

СМОТРЪ ПРИ ВЕРТЮ 26 АВГУСТА. — ВТОРОЙ
СМОТРЪ 29 АВГУСТА. — ОБЪЕДИЯ ВЪ ЛАГЕРЬ. —
ИПОСТРАНЦЫ, НАХОДИВШИЕСЯ ВЪ ВЕРТЮ. —
ОБЪЕДЕННЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ РУССКИХЪ.

Прежде возвращенія арміи нашей изъ Франціи, Государю угодно было сдѣлать ей общій смотръ, при копоромъ не могъ токмо бытъ корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально положено было произвести оный въ началѣ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но потомъ опмѣнили сіе на нѣсколько недѣль для того, чшобъ дать время крестьянамъ убрать съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вертю, лежащаго между Эпернеемъ, Брісномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди которой находилась гора, называемая Мон-

пеме. Между пѣмъ, какъ армія туда собиралась, въ Главной кварширѣ дѣлали чертежи, какъ разспаивть войска и какія имъ производишь движенія, и соспаляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробности, до сего смопра касающіяся, ибо Онъ хошѣлъ предспаивть армію Свою передъ глаза и, шакъ сказапъ, на судъ всей Европы.

25 Августа Его Величество отправился изъ Парижа въ Вершю. На другой день, шо ешь Августа 26 былъ примѣрной смонръ, на копоромъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; а 29го былъ другой, въ присушствіи Союзныхъ Государей и множества иностранцевъ, копорыхъ для сего пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ спрою было семь конныхъ и одиннадцать пѣхотныхъ дивизій, при полка казаковъ, двѣ роты піонеръ, одна рота саперовъ и пять-сопъ сорокъ орудій, всего 150.554 человекъ, въ числѣ коихъ восьмьдесятъ семь Генераловъ, 433 Шнабъ-офицеровъ и 3980 Оберъ-офицеровъ.

26го. Въ шестъ часовъ утра мы поѣхали на гору Монпеме, передъ копоромъ выстроена была армія слѣдующимъ обра-

зомъ: кор-де-башаль сосполялъ изъ шрехъ пѣхотныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ при линіи. Правымъ крыломъ начальствововаль Дохпуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находились вшорая драгунская дивизія подъ начальствомъ Корфа, за кошорою спояли въ резервѣ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхотный Сабанѣва, и два кавалерійскіе корпуса подъ командою Винценгероде и Графа Палена. Въ семъ порядкѣ мы увидѣли армію, занимавшую проспранство на нѣсколько верспъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, опражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу сему необыкновенный блескъ, и всѣ были поражены сполько симъ величеспвеннымъ зрѣлищемъ, что когда въѣхавши на Моншеме, взглянули на армію, то произошло невольное молчаніе, а послѣ показала на усахъ каждаго улыбка, означавшая, что всякой гордился бытъ Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выспрѣлами изъ орудія, споявшаго на Моншеме. Первый выспрѣлъ возвѣстилъ приблипіе Государя; войска взяли ружье на плечо; по вшорому сдѣлали на карауль; громкое ура раздалось по рядамъ,

зайграла музыка и загремѣли барабаны и трубы. По прешьему выстрѣлу взяли на плечо, и построились въ башаліонныя колонны, а по четвертому вся армія начала строиться каре, коего три стороны состояли изъ пѣхоты, а четвертая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхотныхъ линій стояло десять ротъ конной артиллеріи. Государь въ сіе время спустился съ горы, и объѣхавъ, при радостныхъ кликахъ, весь каре, остановился въ срединѣ онаго; армія прошла церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Величества, сперва гренадеры, потомъ линійная пѣхота, за оною конница, а въ слѣдъ конная резервная артиллерія. Послѣ сего Государь изволилъ возвратиться на Монпеле, а войска спали въ топъ же боевой порядокъ, въ коемъ были съ самаго начала, по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ, и снова загремѣла музыка и барабаны, и снова ура наполнило воздухъ.

Нѣтъ примѣра, чтобы столь великое число войскъ было собрано для смотря, и никогда смотръ не происходилъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ опшечества, въ землѣ, не задолго еще почиавшейся непобѣдимую! Чшо передъ онымъ лагерь Булонскій? Невозможно видѣть лучшей

опрятности людей, сосполніа оружія, общаго устройства и наружной красоты. Полки доведены до такого совершенства, что они все равны; нельзя сказать, чтобы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе офицеры почти избалованы почтностію, съ какою производился у насъ движеніе войскъ; но построенія, которыя произведены въ эпошу день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить при съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ; но порядокъ и быстрота, съ которыми войска слѣдовали къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали, что все и каждый знаетъ свое дѣло. Удивительнѣе всего было, что углы карея составлялись въ одно время какъ будто при баталіонномъ ученіи, и что въ продолженіе церемоніальнаго марша, копорымъ проходило болѣе сна семи тысячъ пѣхоты, ни кто не сбился съ ногъ. Увѣренность въ себя была написана на лицахъ воиновъ: изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: «кто противъ насъ?» Нѣтъ сверхъ того въ Европѣ и не было арміи, въ копорой бы находилось столько отличныхъ офицеровъ и искусныхъ

Полководцевъ, коихъ я не называю, ибо имена многихъ принадлежатъ Исторіи. Государь былъ споль доволенъ смопромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ Свѣтѣ; для нея нѣтъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду ни какія войска не могушь съ »нею сравниться.«

Вдали видно было поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, копорое напоминало одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ шоржесствѣ, можно ли было забыть о Бородинскомъ сраженіи, копорому тогда минуло ровно при года? Въ то время села и города пылали опъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на проспранствѣ семь шекла кровь Россіянъ. Пропиву неслыханнаго ополченія враговъ, предводителей спвуемыхъ вождями, образованными въ побѣдоносныхъ спанахъ, заслоняли споплшнадцать тысячъ нашихъ воиновъ домы согражданъ, честь имени своего, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятныя опъ предковъ. Что прочія сраженія пропивъ Бородинскаго? Что самый день Лейпцигскій, въ копорый непріатель искалъ не лавровъ, но

спасенія, гдѣ онъ шокмо мыслить, какъ бы съ честію перейши въ Рейнъ, гдѣ слабѣе въ силахъ, нежели прошивники его, онъ былъ оспавленъ Союзниками своими, и не имѣлъ въ дѣлѣ шѣхъ полчищъ, копорыя прежде славилсь непобѣдимыми, и пошомъ испреблены въ Смоленскѣ, въ Тарупинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, копорыхъ кости сожигаемы были въ коспрахъ, а пепель разнесенъ въпрами далеко опъ земли Русской? При Бородинѣ была бишва народовъ, Россіи съ Европою. Если бы грудь Россіянъ была менѣ шверда, и мудроспъ Смоленскаго менѣ испышана, шо дерзкій иноспранецъ, взиралъ съ Кремлевскихъ спѣнъ на плѣненную столицу, сказалъ бы: »Держава Петра, Екатерины и Александра была славна, но она сокрушилась подъ ударами соединенной Европы.«

Сколькохъ героевъ уже нѣшъ посреди арміи сей, копорые въ шомъ незабвенный день были оплошомъ олечества! думамъ я, пробѣгая взорами ряды войскъ. Нѣшъ Баграціона, любимца побѣды; нѣшъ Тучкова, Кушайсова, нѣшъ многихъ тысячъ ихъ сподвижниковъ. Моженъ бышь, пошомспво не воздвигнешъ вамъ памяшника на шомъ мѣспѣ, гдѣ вы пали, но

по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ на холмахъ, орошаемыхъ Колочею, соорудится скромная часовня, имена ваши вырѣжутся на мѣдной доскѣ; странникъ позднихъ лѣтъ будетъ чипать ихъ при спускѣ свѣтъ лампы и унесетъ съ собою въ дальнія страны горсть земли, съ копорою смѣшался священный прахъ вашъ. Матери, сестры, невѣсты падшихъ въ битвѣ Бородинской, вы, копорыя надъ могилою храбрыхъ проливаєте въ сей день слезы и возсылаете моленія къ Нему о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю я! Да слава опечесва вашего, симъ войскомъ до вышней степени вознесенная, исполнишь сердца ваши увѣреніемъ, что мечь постигла враговъ, оплывшихъ въ горестное для Россіи время жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на собственныхъ поляхъ ихъ, празднуемъ мы славу Россіи; войны наши попираютъ ихъ нивы, знамена наши развѣваются на равнинахъ Шампани, и эхо горъ непріятельскихъ принуждено повторять радостное ура, безпрестанно войскомъ произносимое.

На другой и на третій день городокъ Вершю наполнился любопытными изъ всѣхъ сослояній и военными въ мунди-

рахъ встѣхъ Европейскихъ Державъ; изъ Парижа пріѣхало много купцевъ съ поварями разнаго рода, и наши маркишанпы опкрыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣяпельности; всякой начальникъ отдѣльной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ поварихей. Въ числѣ почепныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Верпю, находилоя много спрогихъ наблюдапелей, желавшихъ лично удостоверитья въ состояніи нашей арміи, потому что съ давняго времени иностранцы, по какому-шо предубѣжденію, привыкли почитать силы Россіи преувеличенными.

29 *Августа*. Смотри происходилъ въ помѣ же порядкѣ, какъ и 26го, съ тою разницею, что въ присупствіи множесва иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, изъ Голландіи, изъ Лондона и изъ другихъ мѣспъ. Съ самага упра Государя находилоя на Моншеме, передъ копорымъ выспраивалась армія, и лишь полько завидѣлъ Короля Пруссаго, обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, вручилъ ему спроевой порядокъ, а потомъ опдалъ сію же самую почеспъ Императору Францу. Начальникъ Шпаба Его Величесва предспавилъ спроевые рапорты

Фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніальнаго марша Государь лично предводилъ съ собою армію, и салюповалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніальнаго марша на Моншеме, и войска выступились въ прежній боевой порядокъ, открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двѣнадцать минутъ; воздухъ открылся дымомъ, за которымъ армія мало по-малу исчезала и наконецъ совсѣмъ закрылась.

Иностранцы были въ удивленіи: съ изумленіемъ смотрѣли они на густыя ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ успроисвѣ. Я неоднократно подъѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ слова ихъ, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ, «что онъ никогда не воображалъ, чтобы армію можно было довести до столь великаго совершенства.» Онъ съ такимъ внима-

ніемъ считалъ число войскъ, что послѣ
смотря замѣнилъ, что въ одномъ кон-
номъ полку не доставало эскадрона, и
признался, что онъ полагалъ, видя въ Па-
рижѣ нашу прешью гренадерскую диви-
зію, будто люди для нея были выбраны
изъ всей арміи, и что прочія войска не
могли съ нею равняться. Каково должен-
ствовало быть его удивленіе, когда онъ
увидѣлъ, что ни одна дивизія не уснупала
гренадерамъ! Сиръ Сидней Смитъ, съ обы-
кновеннымъ ему чиспосердечіемъ объ-
явилъ, что смотръ сей есть урокъ, да-
ваемый Императоромъ Россійскимъ про-
чимъ народамъ.

30 *Августа*. Въ день Александра Нев-
скаго, солнце при самомъ восхожденіи объ-
щало благопріятнѣйшую погоду. Посреди
прелестной долины, окруженной цѣпью
невсокихъ горъ, приготовлено было, по
числу корпусовъ, семь палашковъ для Бо-
гослуженія; передъ каждою былъ вы-
строены корпусъ, конница безъ лошадей,
пѣхопа безъ ружей. Государь прибылъ
къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра,
когда шуманъ покрывалъ горизонтъ; но
онъ мгновенно разсѣялся, и предсави-
лось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Спо-
пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ вои-

новъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришедъ изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, ожидаютъ въ безмолвіи не звуковъ веселія, не зову къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, дабы излиль сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба; благоговѣйныя звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и смиреніемъ своимъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю были у Его Величества обѣденныя столы въ саду, въ копоромъ палатки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, усюроены были нарочно славнымъ Архипекшоромъ Фоншеномъ. Странная игра судьбы! Архипекшоръ сей былъ любимецъ Наполеона, копорый съ нимъ не рѣдко совѣщивался о сооруженіи памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его. Въ первый день угощали иностранцевъ, въ числѣ копорыхъ именитѣйшіе были слѣдующіе: *Австрийцы*: Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максимилианъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь

Шварценбергъ, Генералы Дука, Радцкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сенъ-Жюлиентъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Шпалмейстеръ Графъ Траушмансдорфъ. *Прусаки*: Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Генералы: Графъ Тауэнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цишенъ, Лопумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане*: Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Кашкартъ и Лордъ Стуартъ, Генералы: Гиль, Коле, Колоиль, Мурай, Кемптъ, Майшландъ, Олашанъ, Пакпъ и Адмиралъ Сиръ Сидней Смишъ. *Баварцы*: Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ, Майлотъ и Паненгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генераль Фагель. *Баденскій* Генераль Спокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы*: Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и брапъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ-Голбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы, а въ послѣдній, когда иностранцы отправились обраш-

но въ Парижѣ, были кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и армиллерійскихъ ротъ и Корпусные Оберъ-Кварширмейстеры; за споломъ находилось болѣе прехъ сотъ особъ. Трудно было видѣть почтеннѣ собранія; въ немъ заключалось могущество и слава Россіи, коей сіи офицеры были достойные представители. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣстѣ: они дѣлили пруды и побѣды, они презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали; теперь, благодаря подвигамъ своимъ, они разставались на долгое время; на лицахъ сихъ опличныхъ мужей начертана была радость, что каждый изъ нихъ исполнилъ обѣтъ свой. Государь передъ споломъ и послѣ онаго подходилъ почти къ каждому изъ сподвижниковъ своихъ, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца и въ словахъ выраженіяхъ, которыми каждому останулся незабвенны. Многіе были глубоко тронуты, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкоторыхъ: воинъ, сохранившій посреди разсѣянности спановъ и между громовъ сраженій чувствительность, будешь въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойтесь на лаврахъ вашихъ,

*

Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чему вселенная изумляется; гордишесь содѣяннымъ вами; поздніе потомки будутъ повѣспивовашь о васъ; да будешь на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастья!

ГЛАВА VIII.

Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вершю, разъѣхались, Государь занимался лично выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ оптимъно веселъ, подѣвжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и награждалъ многихъ Генераловъ. Чшобы сохранить память происходившаго въ Вершю, былъ приглашенъ шуда изъ Парижа Живописецъ Пажешши, извѣстный двумя картинами, изъ коихъ одна изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебствіе, бывшее въ Парижѣ въ 1814 году на площади Лудовика XV. Онъ нарисовалъ шесть различныхъ видовъ смолровъ, обѣдовъ и лишургии въ Вершю: такимъ образомъ Худож-

нику сему предоспавлено было начертать начало великой войны, и окончаніе оной, совершившееся на поляхъ Шампаніи. Счастливиъ Писатель, копорому удасться передашь попомству происшествія сихъ прехъ лѣтъ съ безприсраспїемъ и краснорѣчіемъ Историка!

Архитекторъ Фоншень, о копоромъ упомянуто было, что онъ успроивалъ садъ и палатки для угощенія, сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы, и часно ему про оную говаривалъ. »Сколько колоколенъ въ Парижѣ,« спросилъ онъ у него однажды? — Немного болѣе десятии, отвѣчалъ Фоншень. — »Что эпо прошивъ Москвы, — возразилъ »Наполеонъ,—гдѣ ихъ сотни; велише вызолотитъ куполъ инвалидной церкви.« Приказаніе его было исполнено; но гордый завоеватель, опдавал оное, не воображалъ, что позолоша сія, доколѣ она не исчезнетъ, будетъ каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Москву и 1812 годъ, копорому нѣтъ равнаго въ лѣтописяхъ міра.

31 Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Вершю; скоро взошелъ мѣсяцъ и осребрилъ берега Марны; ночь была прекрас-

ная, и въ моихъ глазахъ довершало прелеспъ ея множеспво Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое упро мы возвратились въ Парижъ. Такъ кончился походъ сего года, не стоившій арміи нашей почпи ни одного выспрѣла, но кошорый пребудешъ важенъ для опечеспва нашего, попомоу, что всѣ Державы полагали, что безъ учаспія Россіи онѣ не могли пропивиться предпріятіямъ того человекъ, кошорый въ шеченіе двадцаши лѣтъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣднія Франціи земли, поработилъ одну за другою. Когда вновь общая безопасность была угрожаема по оппыніи его съ оспрова Эльбы, армія наша выспутила первая изъ мѣспъ своего расположенія, быспро прошла Германію, и находилася уже на Рейнѣ въ минушу начатія военныхъ дѣйсшвій, и наконецъ подѣ Вершю предспала на судѣ Европы, кошорую она пѣмъ болѣе изумила успройствомъ и многочисленностію своею, что являлася въ семъ блестящемъ видѣ послѣ прехъ самыхъ многосрудныхъ и изнуришельныхъ походовъ.

Здѣсь прилично помѣспить параллель

между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Испалійскихъ походахъ великимъ Полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Престола, подавалъ надежду сдѣлаться образцемъ крошкихъ добродѣтелей, каковымъ Онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями; онъ угрожалъ своею предприимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предназначеній, сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнуть существовавшій порядокъ. Вникая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, копорыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова.

Одинъ производилъ удивленіе, другой испоргалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили пропигвупоспавить сихъ мужей одного другому; борьба продолжалася ровно десять лѣтъ, по есть съ Аустерлицкаго сраженія до вшоричнаго вшесствія Россіянъ въ Парижъ: это была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Испощивъ всѣ способы снисхожденія, онъ облекся въ силу нравственную; непоколебимость его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла его, сокрушили его пропигвника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ швердость духа, кошорой Россія обязана своимъ поржесствомъ, и слова: »не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не ошпанеся въ землѣ моей,« — послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи и для Европы. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войвы, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказать, огненною черпою; Александръ посреди враговъ своихъ

являлся благодѣтелемъ ихъ края. Въ завоеванныхъ сполицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опуспошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль Александръ заплашилъ спасеніемъ сполицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріятели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдспвія, угрожавшія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, по онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣпописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ него другаго чувства, кромѣ кропоспи къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего проотивника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мспилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и сей, на ужасной скалѣ, о крупныя берега коей разбиваются съ шумомъ волны разъяреннаго Оксана, покрытый проклятіями полсѣпа, слышалъ слова упѣшенія опъ одного только Александра, копорой поручилъ посланному своему на островъ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. »Вы единственное про»видѣніе, оставшееся на землѣ для семей»спва нашего,«—писалъ въ 1814 году братъ

Наполеона, Лудовикъ, къ Государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый имъ всѣми силами, копорыя представляла ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеона, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоря одно государство за другимъ, но миліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблены были исключительно на утвержденіе мира. Да и можно ли было послѣ двадцати - пяти - лѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженного оружія, шѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ показывались мятежи, какъ то: въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла Онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалася двѣнадцати - лѣтнимъ миромъ. »Александръ есть мой настоящій преемникъ,« сказалъ Наполеонъ на островѣ святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, принявъ Диктаторскую власнь въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, которое, послѣ свирѣпыхъ бурь, колсбав-

шихъ море и угрожавшихъ мореходцу погибелью, даруешъ ему счастливое плаваніе, и несомнѣнную надежду вскорѣ увидѣшь берегъ своего опечесшва. Оба угасли въ цвѣтѣ лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ, одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ небомъ, а другой на берегахъ Азовскаго моря, почти на предѣлахъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а другой почилъ сномъ праведныхъ.

ГЛАВА IX.

Приготовленія къ отъезду. — Выездъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансиенъ. — Генераль Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерловскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Октябрия мѣсяца мы начали дѣлать пригововленія къ отъезду изъ Парижа, ибо наша армія, послѣ смотра при Вертю, немедленно пронудася въ обратный походъ, и только одинъ корпусъ оспался въ сѣверной части Франціи, для того, чшобы въ случаѣ могшихъ возникнуть неуспройсшвъ, потчасъ прекрапипъ оныя. Сверхъ того, 13 Сенсябрия назначено было опкрыпіе Французскихъ Палашъ, и къ сему дню Государю угодно уже было находипсья внѣ Парижа, чшобы предоставипъ Лудовику XVIII дѣйствовашъ совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмопрѣнію. Сперва думали ѣхашъ въ Дижонъ, пошомъ въ Брюссель, опшуда чрезъ Франкфурпъ и

Барейшъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но пошомъ перемѣнили сіе предположеніе, съ шѣмъ, чпобы изъ Парижа отпра-
вишься въ Брюссель, оттуда на смотръ Авспрійской арміи въ Дижонъ, а въ за-
ключеніе черезъ Швейцарію и Богемію
въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрутъ
для путешеспвія по Швейцаріи съ озна-
ченіемъ всего, чпо заслуживало вниманія,
былъ написанъ Лагарпомъ.

13 Сентября мы отправилися изъ
Парижа рано поутру, когда еще сполица
сія погружена была во снѣ; проѣзжая по
пустыннымъ въ то время улицамъ ея,
и смотря впослѣдніе на великолѣпныя
ея зданія, нельзя было не ощущать раз-
ныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ прехъ-
мѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижъ, ко-
порого имя сопряжено нынѣ навѣки со
славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ
Пероннѣ помѣщена была на домѣ, въ ко-
поромъ Государь изволилъ оспановитъ-
ся, слѣдующая надпись: «Александръ
»признашельная Франція.» Въ семь городѣ
Меръ пригласилъ меня на ужинъ, за ко-
порымъ находилися почепнѣйшіе изъ
жипелей, и я при семь случаѣ вновь убѣ-
дился, чпо Французы въ провинціяхъ не
имѣють собсшвеннаго своего мнѣнія, а

основывающъ полипическія сужденія свои на образъ мыслей Парижанъ. На другое ушро мы проѣзжали село Гозонкуръ, ко- его погорѣвшимъ жипеллмъ Государь пожаловалъ двѣ пысячи франковъ. Прибли- жаяся къ крѣпости Камбре, копорая не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхать вокругъ нее, пѣмъ болѣе, что лошади были заготовлены въ полѣ; но ко мнѣ вышли на встрѣчу Депушаны, и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, равномѣрно занятомъ Французскими войсками, и въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, дома были украше- ны цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ, наполнявшій оныя, привѣп- ствовалъ меня восклицаніями: да здрав- ствуешъ Александръ!

Окрестности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасныя сады и богатыя селенія: вѣковое благосостояніе сей спра- ны, породившее несмѣшныя капиталы разнаго рода, совсѣмъ не поспрадало отъ войны, коей она недавно была позо- рищемъ. На послѣдней спанціи Оранскій Принцъ ожидалъ Государя; шупъ же на- ходился Генералъ Фуль, копорый былъ

извѣстенъ въ началѣ опечеспвленной войны нашей. Въ продолженіе разговора я спросилъ его, почему онъ не носитъ медали, успановленной на походъ 812 года. — «Я сохранилъ, отвѣчалъ онъ, въ воспоминаніе онаго полько чистую совѣсть.» — Опъ сей спанціи до самаго Брюсселя дорога успанвлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на вспрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе принять за жилище частнаго человѣка: онъ споль пѣсенъ, что для Государя въ немъ не было помѣщенія, а пригоспвили домъ Маркиза д'Ансе. Каммергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора не ловки и одѣшны не богато; пріемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, которое, какъ и всякое другое, пребуешъ многолѣпняго навыка. Легко замѣшны можно было, что большая часть изъ нихъ не попомки фсодальныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, которые на Амстердамской биржѣ успановляли нѣкогда ходъ всемірной торговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевство Нидерландское сущеспвовали такъ недавно, что нельзя было бытъ слишкомъ възскапельну, шѣмъ болѣе, что Правительсство нахо-

дилось въ запруднительномъ положеніи; ему предспояль чрезвычайно важный прудъ — изгладить ненависть, существовавшую между Голландцами и Бельгійцами.

Всего болѣе, находясь въ Брюссель, желательнѣе мнѣ было видѣть поле Ватердоскаго сраженія, на копоромъ менѣе нежели за три мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я отправился, чрезъ Суаньской лѣсъ, въ село Ватерло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась Главная квартира Фельдмаршала Веллингтона. Трактиръ, гдѣ онъ ночевалъ, носилъ его имя: здѣсь я взялъ проводника, которій рассказывалъ мнѣ, что во время дѣйствія жили сего селенія находились въ большомъ спрахѣ, ибо послѣ обѣда полагали, что Французы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили приказаніе подаваться назадъ. Отсюда недалеко находишься возвышеніе, называемое Монъ-Сенъ-Жанъ; когда Французы достигли до онаго, по полагали уже успѣхъ несомнѣннымъ; но твердость Веллингтона и прибытіе Пруссаковъ воспоржествовали надъ ихъ усиліями, и они были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находился при деревнѣ Ла-

ге-Сенпъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупають у крестьянъ сего селенія деревья, перевозящъ ихъ въ Англiю, и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Въ полувверсѣ опъ Лаге-Сенпъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго споялъ Наполеонъ; проводникъ мой находился при немъ, и рассказывалъ мнѣ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска свои, наспулавшія на Англійскія бапарен, и съ какимъ воспоргомъ колонны опвѣчали на знакомый голосъ своего предводителя, которъй даже не измѣнился въ лицѣ, когда удостоверился, что съ правой спороны его показались Прусакки. Пуспъ выразищъ живописецъ чувства, обуреавшія въ эту минушу душу гордаго завоевателя, которъй зналъ, что звѣзда счастья его померкала навѣки съ появленіемъ Блюхера!— Вотъ мѣсто, гдѣ Генералъ Камбронъ, окруженный опвсюду многочисленнымъ неприятелемъ, сказалъ: «гвардія умираетъ, а не сдается:» выраженіе сіе конечно опзвевеся въ потомствѣ.—Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза; на шпактирѣ оной написано, «что фФельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, встрѣтившись здѣсь, поздравили другъ дру-

»га съ побѣдою.« Тупъ, присовокупилъ проводникъ мой, бѣгство Французовъ было общее, и смяшенія ихъ описать невозможно; но Императоръ Французовъ сохранилъ хладнокровіе свое, и поворотивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгущими. На полѣ сраженія находящъ множество карпечъ, пуль, штыковъ, лашъ и другихъ воинскихъ снарядовъ, которые жители окрестныхъ селеній продають любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда спекающимся.—Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Ваперло.

21 Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ; на семъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи. Жители отдаленныхъ мѣстъ отъ большой дороги, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, чшобы взглянуть на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они Его называли, подавали Ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ

*

наспоящему своему Монарху. Къ вечеру впрогаго дня мы оспановилися въ Шомонъ, гдѣ была главная квартаира Баварскихъ войскъ, предводишельспвуемыхъ Фельдмаршаломъ Вреде, однимъ изъ опличивѣйшихъ людей нашего времени, который много способспвовалъ къ возвышенію своего опшечества: онъ не сполько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ шѣми Державами, съ которыми Баварія находилась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ войско ему вѣренное въ спрогой подчиненности. — Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были все Баварскіе Генералы и Штабъ-офицеры: они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшего ихъ своею любезностию. На другой день Баварская армія производила маневры въ присушствіи Государя, при началѣ коихъ меня опправили въ Дижонъ — просить Австрійскаго Императора, чптобы онъ не ожидалъ лично прибытія Государева, который, для избѣжанія нарядной вспрѣчи, желалъ прѣхать ночью. — 25 Септября были маневры Австрійскихъ войскъ. Государь при проходѣ полка своего имени, спалъ въ головѣ она-

го и салюповалъ Имперашору Францу. Такъ какъ мы разставалися на долгое время съ Авспрїйцами, нашими старинными неизмѣнными Союзниками, по Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ войнахъ.

ГЛАВА X.

Отъездъ изъ Дижона. — Люръ. — Базель. —
Цирихъ. — Констанць. — Линдау.

26 *Сентября*. Мы выѣхали изъ Дижона въ Швейцарію, и имѣли первый ночлегъ въ маленькомъ городкѣ Люръ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, отправились прямо въ Берлинъ, нѣкоторые изъ Брюсселя, а другіе изъ Дижона, такъ, что при Его Величествѣ оспался одинъ Начальникъ Шшаба Его. Улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя, кошорый сидѣлъ за столѣмъ при двухъ свѣчахъ. Улица была пѣсная, ночь совершенно темная, и картина величайшаго Монарха въ Свѣтѣ, уединенно прудящагося въ глухую бурную ночь, такъ врѣзалася въ моей памяти, что я какъ будто теперь ее ви-

жу: вошь Онъ пишешъ кладешъ перо размышляешъ опяшь пишешъ Ударило два часа Императоръ вспаль и пошелъ въ почивальню. — По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было отпра- виться впередъ, и извѣспишь начальспво- вавшаго въ Бефоръ Генерала Лекурба, ко- торый прославился во время революціон- ной войны, чшобы онъ не дѣлалъ Госу- дарю ни какого приема. Неподалеку опъ крѣпости, я встрѣпилъ человекъ полпо- распа Французской конницы, слѣдовав- шихъ за карешюю, въ кошорой сидѣлъ Генераль, и я узналъ въ немъ Лекурба болѣе по выразишельнымъ черпамъ лица, нежели по звѣздѣ, кошорюю онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвра- тился въ Бефоръ.

Мало по малу показывались горы, окру- жающія Базель. Онъ, думалъ я, лежатъ въ счастливыхъ спранахъ Швейцаріи, гдѣ обитаютъ просвѣщеніе и промыш- леность! Въ сію минушу небо выя- снилось, солнце проглянуло изъ-за шучъ, кошорыя скрывали оное въ яченіе все- го дня, и я увидѣлъ прескрасную долину, орошаемую величешвеннымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была столь много вос- пѣша Спихопворцами, какъ Рейнъ. Кшо,

проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о карпинныхъ ландшафтахъ, о добродушныхъ жипеляхъ Германіи, о цѣдильномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость, и клянутся въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни спановятся чаще и богатѣе; Французское нарѣчіе непримѣтно исчезаетъ. Нѣмецкіе крестьяне смотрятъ съ любопытствомъ на проезжающаго, кланяются ему привѣтливо, и опть чистаго сердца желаютъ ему благополучнаго спранспованія, а Французскіе поселене, напротивъ того, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ толстыми косами глядятъ на путешественника съ грознымъ и непріятнымъ видомъ.

Въ чепыре часа я пріѣхалъ въ Базель; народъ и войска ожидали Государя, и приняли Его съ воспоргомъ. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменіемъ Императоръ Александръ, Который смѣло началъ первый войну за Европу.«— По пріѣздѣ, мы

надѣли фраки. До глубокой ночи народъ наполнялъ улицы; я вмѣшивался въ толпы его, и слышалъ общій голось, что жипели почипаюпть день сей однимъ изъ радоспнѣйшихъ. Раздѣляя съ ними чувспво сіе, я вспомнилъ, какъ 1го Генваря 1814 года наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базелѣ. По освобожденіи Германіи и по прекращеніи переговоровъ, начатыхъ во Франкфурптѣ, положено было вспулпть во Францію. Никогда знамена наши не бывали шакъ далеко отъ границъ нашихъ, и никогда не гоповились мы на столь важное предпріятіе, пошому что Рейнъ и крѣпоспн, лежащія какъ на рѣкѣ сей, такъ и вблизи отъ оной, почипались со временъ Лудовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагаала, что война въ нѣдрахъ сей Державы должна бытъ сопряжена съ неимовѣрными шрудносшями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролпсію и исполненный воинскаго духа, будепть защищашъ упорно каждый шагъ земли своей. Не взирая на сіи уваженія, мы шли впередъ, чтобы нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушпть споконспвіе нашего опечеспва: счаспсіе увѣнчало опваж-

ное предпріятіе, и на помѣ самомъ мѣ-
спѣ, гдѣ менѣе нежели за два года гус-
спые ряды нашихъ войскъ, при радосп-
ныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на
лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я
споялъ мирнымъ гражданиномъ, и смо-
прѣлъ на быспрѣя волны рѣки, доколѣ
не угасли огни, зажженные для праздни-
ванія прибытія Государя.

27 Сентября, рано поуспру, мы выѣха-
ли изъ Базели въ Цирихъ. Густой шу-
манъ носился въ воздухъ, но въ скоромъ
времени разсѣялся, и я увидѣлъ множе-
ство деревень, виноградныхъ садовъ и
пучныя спада, пасшіяся на богатыхъ
лугахъ. Съ каждымъ шагомъ виды спа-
новились красивѣе; мы проѣхали чрезъ
два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и ми-
новавъ сей послѣдній, поднялись на высо-
кую гору, на копорой посажены чепыре
липы. Отсюда открылась цѣпь снѣж-
ныхъ горъ, памъ Гриндельвальдъ, Шпа-
убахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское
озеро, гдѣ сооружена часовня Телю, а
памъ далѣе мечпались миѣ крупизны
Сень-Готарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ
пропекло нѣсколько счастливыхъ недѣль
моей молодоспи, гдѣ первые лучи солн-
ца я встрѣчалъ на горахъ, коихъ верши-

ны возвышающся выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣшущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю ужасныхъ пропастей, и опдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ паспуховъ! Тамъ опечесство невинныхъ, проспыхъ нравовъ, и древніе обычаи праопцевъ почитающся съ набожноспію. Погруженный въ сихъ мечпахъ, я проѣхалъ мимо развалинъ Габсбургскаго замка, гдѣ Домъ Авспрійскихъ Императоровъ воспріалъ свое вачало; но чпо мнѣ до славы ихъ? Я былъ съ природою, и въ саду ея!—Вскорѣ предспавилась намъ рѣка Аара, извивавшаяся по долинѣ, по колпорой мы ѣхали часа три, а попомъ мы приблизились къ живописнымъ берегамъ Лимапы. Какіе сады! какія горы! а на нихъ непрерываемая цѣпь красивыхъ домиковъ, простирающаяся на нѣсколько верспъ, гдѣ обишаетъ довольство и увѣренность, чпо собспвенность свяпо чпима. Государь нѣсколько разъ оспанавливалъ свою коляску, гуллъ пѣшкомъ и заходилъ въ креспьянскіе дома.

Въ шестомъ чаеу я пріѣхалъ въ Цирихъ, и остановился въ практирѣ Меча, у извѣснаго всей Европѣ Пепера. Изъ оконъ моея горницы видно Цирихское

озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Долго смогрѣлъ я на него: вершины Альповъ начинали алѣть отъ заходящаго солнца; новый мѣсяцъ показывался на небѣ, но вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, копорые представлялись Его Величеству; а потомъ мы поѣхали на городской балъ, на копоромъ находился между прочими Рускій Посланникъ; это явленіе было новое, ибо прежде Вѣнскаго Конгреса, Россія не содержала при Гельветическомъ Союзѣ своего Посольства; учрежденіе онаго было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія ея на дѣла Европы. Швейцарскія женщины, славящіяся своими добродѣтелями, были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ кругѣ своихъ семействъ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ; любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя, ибо республиканкамъ симъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

28 Сентября поупру Государь посѣщаль мѣсто, гдѣ поконился прахъ Геснера, а мнѣ вельно было ѣхать впередъ въ

Конспанць. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цириха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цирихское озеро и на пы- сячи излучистыхъ тропинокъ, извиваю- щихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности военной жизни и посреди царскихъ дворцевъ, я полагалъ, что я уже опжилъ для красотъ приро- ды, что быспрая рѣка, что восходящее солнце, что ясное небо, что пѣніе пщицъ въ дремучемъ лѣсу не принесушь мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимапу и на Альпы пробудилъ усыпленные чувства, и грудь заволновалась, какъ прежде. Тѣ дра- гоцѣнныя минушы удовольствія, за ко- торыя мы обязаны единспвенно созер- цанію изящныхъ картинъ природы, ни съ чѣмъ сравнишья не могутъ.

Швейцарская граница кончидься, и Ба- денская начинается близъ самага Кон- спанца, города спариннаго, слишкомъ об- ширнаго по соразмѣрности съ числомъ жи- телей. Я вошелъ на колокольню Собор- ной церкви, откуда увидѣлъ на нѣсколько верстъ печеніе Рсйна, все проспранспво Боденскаго озера, около котораго множе- ство городовъ и деревень успавлены, такъ сказашь, одни возлѣ другихъ, и цѣль

Альпійскихъ горъ, съ которыми я прощался, можешъ быть, навсегда. Послѣ того я оспановился на берегу озера, и нѣсколько минушъ смопрѣлъ, какъ мелькали паруса и рыбацьи лодки разсѣкали тихія волны. По положенію моему, я полько украдкою могъ наслаждашья природою. Государь, по прїѣздѣ въ Констанць, ошправился на оспровъ Мейнау, лежащій ошъ города верспахъ въ шрехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечишывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели эполъ листъ бумаги, думалъ я, не зашеряешся, то попомсшво приметъ его съ такими же чувспшвами, съ какими бы мы смопрѣли шеперь на описаніе пушешешвія, сосшавленнаго Ариштопелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхашъ изъ Дижона въ Женеву, попомъ въ Лозанну, а ошшуда въ Бернъ и Арау, коего Каншонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ сущештованіемъ; но сіе предположеніе не сосшоялось по нѣкопорымъ причинамъ.

29 *Сентября*. Мы сегодня ѣхали весь день около Констанцскаго озера чрезъ Губъ, Роршахъ, Рейнекъ и Брегенць, и прибыли въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣтили

воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры; посреди ихъ пославлень былъ на возвышеніи портретъ Государя, къ копорому вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, такъ сказашь, маленькими дѣвущками, цвѣтущими какъ розы, изъ коихъ каждая указывала на изображеніе Императора. Мѣстоположенія около озера прекрасны, но пашни не такъ хорошо обработаны, какъ въ окрестностяхъ Цюриха; селенія бѣдны и народъ не столь опрятень, чему причиною Каполическая религія. Недалеко отъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнъ и очутились въ Тироль, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ; нарѣчіе и одежда жителей совсѣмъ другія, нежели въ Швейцаріи, и я смотрѣлъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ на Тирольцевъ, воспріавшихъ съ свободою отъ предковъ нравы свои и обычаи, копорые они умѣли сохранить и защити въ бурное для опечества ихъ время. Здѣсь-то надобно слышашъ повсюду эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ копорыхъ раждается у Тирольцевъ шоска по опчизнѣ, въ какую бы удаленную страну они ни были занесены судьбою. И на меня нашла невольная грусть при мысли, что я съ

каждымъ шагомъ приближаюся къ сѣверу и, вѣролпно, навсегда оставлю южную часть Европы, гдѣ прелести природы встрѣчаются чаще, деревья зеленѣе, цвѣты ароматнѣе, воображеніе жипелей плодовитѣе, разговоръ ихъ оспрѣе.

ГЛАВА XI.

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Ниренбергъ. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пребываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ.

Наше путешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ я получилъ приказаніе ѣхать не останавливаясь чрезъ Ульмъ и Ниренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, находящагося за нѣсколько станцій отъ Праги, и ожидать тамъ прибытія Его Величества. Скорошь, съ кошорою мнѣ надлежало слѣдовать чрезъ изрядную часть Германіи, не позволяла мнѣ дѣлать наблюденій и вступать въ разговоры не токмо съ жишелями, но даже съ чиновниками, высланными намъ повсюду на встрѣчу, пѣмъ болѣе, что они на разные мои вопросы

о мѣспноспяхъ и пому подобномъ, старались опидѣмывахъся опть меня весьма коропскими опивѣшамн, и самн предлагалн мнѣ пыслчу вопросовъ о Государѣ. Я принужденъ былъ довольспвовахъся птѣмъ, что смошрѣлъ, какъ мнмо меня мелькалн, пакъ сказахъ, деревнн, села и города. Въ Ульмѣ Король Внртембергскій ождалъ лично Императора, а въ Ннренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное прнключеніе. Такъ какъ я ѣхалъ въ придворной коляскѣ, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной лнвреѣ, то Нѣмцы, съ часу на часъ ождавшіе Императора, прнняли меня за Его Величество, и едва я подѣхалъ къ городскимъ ворошамъ, ударнлн во всѣ колокола, раздалнсь пушечные выспрѣлы, громогласное ура, и пыслчн народу, собравшагося на улицахъ, бѣжали за моею коляскою. Разувѣряхъ въ нхъ заблужденіи словами было невозможно, пошому что опть ужаснаго шума не слыхахъ было моихъ рѣчей; я сначала махалъ руками, дѣлалъ разныя знакл, но видя, что все было безуспѣшно, долженъ былъ молчахъ, и въ семь пріумѣ меня довели до дома, назначенаго для Государя, гдѣ меня важно вышлн вспрѣчахъ Мннспры, прнсланныя

ошъ Баварскаго Короля и городскіе чиновники, копорымъ я на-скоро объяснивъ о происшедшемъ недоумѣніи, поспѣшилъ скрыться ошъ рукоплесканій и кликовъ народныхъ.

Природа ежедневно измѣнялась: я любовался ея красотою еще за три дня; а теперь видны были повсюду пески, глубокіе еловые лѣса, и—вмѣсто богатыхъ Швейцарскихъ поселенъ, бѣдность, копорая спановилась примѣшнѣе, по мѣрѣ какъ я приближался къ городу Черговичу. Государь пріѣхалъ сюда 3го Октябрия, и перемѣня лошадей, отправился въ по-мѣстѣе Князя Шварценберга, Ворликъ, а мнѣ сказано ѣхать въ Прагу, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію сколько, какъ сему; ибо въ первый разъ въ печеніе принадлецати мѣсяцевъ, въ копорые ни одна минуца не принадлежала собственно мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь и отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на успалось: меня восхищало чувство крашковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ, и пошелъ пѣшкомъ на

островъ, называемый маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ показывался изрѣдка по улицамъ, и колокольный звонъ только что начиналъ созывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, на которомъ уже за семь лѣтъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ на осьмнадцатомъ году опть роду, будучи спранникомъ на сей землѣ, стоялъ у берега въ задумчивости; смотря на заходящее солнце, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался въ уединенное свое жилище. Я не зналъ, что fortuna мнѣ улыбнется, и что судьба опредѣлитъ мнѣ въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ посѣтить снова нѣкъ мѣста, гдѣ я бывалъ прежде, ни къмъ неизнаемый.

Не успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями и предложили мнѣ комнаты, пригошвенныя для меня во дворцѣ. Послѣ сего я былъ у Главнокомандующаго Фельдмаршала, Графа Коловрата, который опть сшарости едва могъ говорить; въ помощь данъ ему извѣстный Генераль Графъ Кленау, который осыналъ меня учшивосшями. »Были ли вы у гражданскихъ чи-

»новниковъ,« спросилъ онъ меня — »чпобы условившись съ ними о днѣ прїѣзда Государя и о пребываніи Его Величества въ Прагъ?« — Нѣтъ — отвѣчалъ я, — и по эшимъ предметамъ хоцѣлъ съ вами переговорить. — »Я съ моей стороны все сдѣлалъ,« отвѣчалъ онъ: »но васъ убѣдительно прошу, побывать у сихъ господъ. Какъ военный, скажу вамъ откровенно, что это имъ и самому мнѣ будетъ очень прїятно.« Сіи слова Генерала удостовѣрили меня, что въ Авспрїи военные власпи подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, поспѣшилъ я во дворець, чпобы насладиться однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какіе мнѣ извѣстны. День былъ отпѣнно ясный, и городъ, окрестности его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородные дома представились мнѣ въ новой красотѣ. Я обѣдалъ у Генерала Клену со многими Авспрїйскими офицерами, которые хотя разумно разсуждаютъ, но въ обращеніи неловки. Всѣ прелести молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Блюхера, Шпранць, съ которымъ я коропко познакомился. — Союзъ между двумя народами не былъ никогда споль шѣсенъ, какъ

между Россією и Пруссією, и когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣпяшся, шо почипають другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалишься ласковымъ пріемомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію различныхъ мѣстныхъ начальствъ, съ которою они дѣлали всякаго рода пригоповленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь изволилъ оспановиться на нѣскольکو дней въ Прагѣ. Живши въ семъ городѣ пять дней, я былъ безпреспанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театрѣ. Обращеніе дворянства шакое же, какъ и въ прочихъ сполицахъ; только жаль, что поваренное искусство не сдѣлало у нихъ успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему не брать шакже примѣра съ Робера, Бовиле и Вери, которые до сихъ поръ не имѣють себѣ равныхъ въ Европѣ?

Черезъ три дня я получилъ приказаніе ѣхать впередъ, чрезъ Кениггрець, Находъ и Глаць, въ Силезію, въ замокъ Пешерсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили нѣсколько мѣсяцствъ во время перемирія въ 1813 году. Я снова былъ свидѣтелемъ бѣдности и непросвѣщенія Богемскихъ жителей. Какая перемѣна въ

Силезіи! Сіи двѣ земли ошдѣляюшся полько Исполинскими горами; но, переѣхавъ хребешъ оныхъ, кажешся, всшупаеше въ новый свѣшъ. Языкъ, народъ, климашъ, образъ жизни. — все другое; земля плодороднѣе, пашни шучнѣе, луга зеленѣе, обывашели веселѣе и не бояшся проѣзжающихъ, зная, что законы ихъ защищаюшъ. — 6го Окшября праздновали день Лейпцигскаго сраженія опмѣннымъ образомъ, приняшимъ во всей Германіи. Лишь полько вечеръ наспалъ, какъ на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли коспры, нарочно для сего пригошовленные, копорые горѣли въ продолженіе всей ночи. Такимъ образомъ огонь, знаменующій время освобожденія Германіи, пымалъ опъ Тріеспа до Гамбурга, и опъ Вислы до Рейна.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Пеперсвальде, принадлежашій брапу славнаго Стихотворца, Графа Спольберга, изъ оконъ копораго ошкрываюшся прелесные виды на плодоносныя поля Силезіи. Я не могъ безъ особеннаго удовольствія смопрѣшъ на башни Рейхенбаха, гдѣ за два года предъ симъ мы жили во время перемирія, и на высокіе ушесы Фиршпеншшейна, гдѣ, посреди развалинъ

древняго зданія, я забывалъ въ пріятныхъ прогулкахъ кровопролитную войну, копорая тогда предспояла. Но зѣмокъ Пешерсвальде, въ кошоромъ я находился, испорическими воспоминаніями разсѣялъ мои мечпы: въ ономъ въ 1813 году заключены Союзные договоры съ Авспрією и Баварією прошивъ Франціи, и положено основаніе успѣхамъ нашимъ, одержаннымъ въ послѣдспвіи; а посему зѣмокъ сей сдѣлался для Германіи пѣмъ, чѣмъ Лепашевка для Россіи — колыбелію ея свободы.

8 Окшября мы выѣхали изъ Пешерсвальда въ Берлинъ. Въ шріумфальныхъ воропахъ не было недоспашка, ибо въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ посшавлено было по нѣскольку шаковыхъ воропъ, сдѣланныхъ изъ ельника съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлись въ селеніяхъ множеспво дѣвушекъ въ бѣлыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, копорыя сыпали цвѣпы при проѣздѣ Имперашора. Въ разсужденіи геспешримсшва я ошибся, ибо полагалъ, что жишели всѣхъ соспояній и дѣпъ поспѣшашъ къ намъ на вспрѣчу, что пиры и празднесшва будушъ по всей дорогѣ; на-

прошивъ того, почти всюду я долженъ былъ плашить за кушанье и напитки. »Генералы Йоркъ и Гюнербейнъ,« сказалъ мнѣ одинъ Прусскій офицеръ, »встрѣпятъ васъ на границѣ, и будущъ сопровождашь до Кроссена, гдѣ Генераль Браушицъ ихъ смѣнитъ. Мы не помнимъ еще такого приема.« — Но я былъ вскорѣ утѣшенъ однимъ Прусакомъ, которой въ полной мѣрѣ чувствуешь, что Россія сдѣлала для его опечесва. Мы расположились для ночлега въ городкѣ Миихенбергѣ; хозяинъ дома, въ которомъ отвели мнѣ кварширу, испощивъ всѣ средства угощенія, предложилъ наконецъ останозитъ ходъ спѣнныхъ часовъ, дабы спукъ оныхъ не беспокоилъ меня во время сна моего. Въ Кроссенѣ полагали, что Государь останозившя памъ для ночлега, и пригопвленъ былъ для Его Величесва шопъ самый домъ и шѣ комнапы, въ которыхъ жилъ Фридрихъ Вшорой, и та самая кровать, на которой спалъ сей единственный Монархъ.

Около обѣда мы вѣхали въ Берлинъ. На послѣдней станціи опказали мнѣ въ почтовыхъ лошадахъ, а впрягли дурныхъ обывашельскихъ. Необозримое множесво жишелей столицы вышли на встрѣчу

Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣшилъ Высокаго Посѣтителя своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба Монарха отправились въ открытой коляскѣ въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ разставлены были войска, проходившія потомъ церемоніальнымъ маршемъ.

Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недѣль, въ печеніе которыхъ совершенно обрученіе бывшаго тогда Великимъ Княземъ Императора Николая Павловича со Дщерію Короля. Здѣшній Дворъ не пышенъ; нѣтъ ни красавицъ, ни щеголей; всѣ подражаютъ Королю, которой ведетъ скромную жизнь; самыя богатыя семейства живутъ весьма расчепливо: нѣтъ домовъ открытыхъ для незваныхъ гостей. Память покойной Королевы всѣми чнима; придворные часто объ ней вспоминаютъ, говоря намъ, «если бы она была жива, какъ бы вы у насъ повеселились!» Въ городѣ было пусто; жители жаловались на разореніе войны, коея послѣдствія не совсѣмъ еще тогда изгладились. Въ девять часовъ вечера не видно было на улицахъ экипажей, шишина царствовала во всемъ городѣ, и ни что не напоминало, что вы находитесь въ столицѣ могущественнаго Государства. Въ

это время проходилъ чрезъ Берлинъ С. Петербургскій гренадерскій полкъ, коего Прусскій Король Шефомъ. Вспуленіе его въ столицу было самое торжественное: Король въ Русскомъ мундирѣ, находясь передъ первымъ взводомъ, салютовалъ Государю; офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдаты угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣ всего, что нѣкоторые караулы были заняты Русскими солдатами сего полка.

27 Октябрю мы выѣхали изъ Берлина чрезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Грустно было мнѣ разсваваться съ Германіей, и слышать, какъ мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ, на которомъ я получилъ первыя понятія о прелестяхъ Наукъ. На другія сушки мы были уже въ предѣлахъ Россіи, и по пріѣздѣ въ Калишъ, я поспѣшилъ въ свой домъ, гдѣ жилъ въ 1813 году Князь Смоленскій; сердце мое билось, когда я шелъ по лѣстницѣ, на которой прежде встрѣчалъ именитѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда спявшій шутъ Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ онъ обыкновенно

занимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшаго при рѣшеніи участи вселенной, и гдѣ иногда удоспоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе пого, которое я чувствовалъ въ гробницѣ Сципіона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ мѣсту сему мрачный видъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что въ эту минушу сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣспившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ сіе время стоялъ уединенъ, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, облокотясь на стулъ, гдѣ сиживалъ великій человекъ. Мнѣ явилася тѣнь его, и казалось, что духъ незабвеннаго парилъ надо мною. Я вспомнилъ, что на самомъ эпозѣ мѣстѣ я какъ будто предъугадалъ однажды близкую его кончину. За нѣсколько дней предъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу; вмѣсто прехъ черпъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и — смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: »кажешся, что я ошибся.« — Въ

написали двѣ лищеры лишнихъ; — опвѣчалъ я, но я ихъ выскоблю. — »Нѣтъ,« прервалъ онъ: »я эту бумагу самъ уни-«чожу; а ты вели мнѣ приготовить »другую, пошому что Богъ знаетъ, что »обо мнѣ подумаютъ.« Какое-то предчув-«ствіе сказало мнѣ, что мы скоро его ли-«шимся, и черезъ двѣ недѣли не спало по-«го, для котораго попомство будетъ «справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, отправились мы на другой день въ Варшаву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Отъездъ изъ Вѣны. — Прибытіе въ Мюнхенъ. — Баварскій Дворъ. — Пріездъ въ Спунгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Пріездъ въ Гейдельбергъ	1
— II. Пребываніе въ Гейдельбергъ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ваперло. — Пріездъ Великихъ Князей. — Высшупленіе .	13
— III. Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Деушашы Временнаго Правительства. — Обращеніе съ Французами. — Партизаны. — Напси	21
— IV. Состояніе Франціи. — Отъездъ изъ Главной кварширы. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбоны. — Замѣчаніе о вторичномъ въездѣ Государя въ Парижъ	36
— V. Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сенторъ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смольръ Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ	45
— VI. Состояніе Парижа. — Вътренность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военныя. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ .	56
— VII. Смольръ при Вертю 26 Августа. — Второю смольръ 29 Августа. — Обѣдъ въ лагерѣ. — Иностранцы , находившіеся въ Вертю. — Объединный столъ для Русскихъ	70
— VIII. Виды смольровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. —	

	<i>Стр.</i>
Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ .	85
Глава IX. Приготовленія къ опъезду. — Выездъ изъ Парижа. — Перонпъ. — Камбре и Валансиенъ. — Генераль Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ваперлоскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ	95
— X. Опъездъ изъ Дижона. — Дюръ. — Базель. — Цюрихъ. — Колсшапцъ. — Липдау	102
— XI. Дорога изъ Липдау. — Приключеніе въ Ниренбергъ. — Прага. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Пешерсвальде. — Дорога до Берлина. — Прѣбываніе въ сей столицѣ. — Калпшъ. — Воспомяніе о Килзѣ Смоленскомъ	. 113

